

A close-up photograph of raspberries on a branch. One raspberry in the foreground is bright red and in sharp focus, while others in the background are pale and out of focus. The background is a soft, blurred green.

Валерий Горелов

КОЛКАЯ МАЛИНА

КНИГА ВТОРАЯ
СТИХИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Горелов

Колкая малина. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68775351

SelfPub; 2023

Аннотация

В сборнике стихотворений «Колкая малина 2» автор снова задает читателю вопросы о Боге, любви и справедливости. Стоят ли поиски правды лишений или сытый комфорт лучше? Как отличить добро от зла, когда последнее так усердно драпируют в одежды правильности? Как остаться человеком в тяжелые времена? Об этом автор предлагает поразмышлять вместе с ним на страницах книги.

Содержание

Часть I. Написано	8
Написано	8
Время	10
Раздать	12
Осень	14
Отче!	16
Печаль	18
Понять	20
Почему?	22
Птенец	23
Серое	25
Сказка	27
Страхи	29
Темнота	31
Утро мудренее	33
Хандра	35
Хоть куда-нибудь	37
Хлеб	39
Честно	41
Яблочки	43
2×2	45
Три	47
Бирюзовый	49

Брошенная	51
В день Николая Чудотворца	53
Весть	55
Вместе	57
Данность	59
Девочка	61
Дом	63
Если зачтут	65
Забыть и потерять	67
Занавес	69
Заскок	71
Застолье	73
Здесь	75
Интуиция	77
К себе	79
Клятвы	81
Лето	83
Не трогайте	85
Милосердие	87
Часть II. Стриптиз	89
Стриптиз	89
Олимп	91
Останься	93
Отслужи	95
От имени	97
Пересчёт	99

Прогнозы	101
Про то	103
Романтики	105
Свобода	107
Холуйство	109
Сор в избу	111
Шея	113
Юз	115
Безумие	117
Блажь	119
Была нужда	121
Зарисовка с натуры	123
Искушаться	125
Как мечь	127
Коньяк и апельсины	129
Красота	131
Лакомство	133
Любовь и хотелки	135
На развес	137
Часть III. Юность	139
Юность	139
Он сам	141
Оттенки	143
Правда	145
Призрак	147
Рассудок	149

Синдром	151
Советы	153
Суета	154
Сценки	156
Танцплощадка	158
Нинка	160
Чтобы всем	162
Бред	164
Большинство	166
Деформации	168
Проходят	170
Киножурнал	172
Методы	174
Мстители	176
Наивность	178
Новости	180
Часть IV. Не видали	182
Не видали	182
Обитание	184
Падлю	186
Партитура	188
Пляж	190
Подсчёты	192
Полынь	194
Предчувствие	196
Приехали	198

Ревнителям	199
Севера	201
Соль минор	203
Температура 41,1 по Цельсию	205
Уфология	207
Фортуна	209
Хулители	211
Чрево	213
Без ошибки	215
Берите	217
Беспечность	219
Благородство	221
Во имя чего?	223
Вожжи	225
Всё железо	227
Выползай	229
Домой	231
Закалка	233
К нам и мне	235
Ко дню Крещения	237
Мнение	239
Невеста	241
Сюрреализм	243

Валерий Горелов

Колкая малина.

Книга вторая

*Нашим родителям и моим сверстникам,
принявшим Христа, посвящается...*

Часть I. Написано

Написано

Записка на снегу, расписка на песке,
Рисунок на мольберте и брызги на воде.
Красками рассвета и музыкой дождя
Чуть захмелевший мир пишет сам себя.

Мне видение является откуда-то извне,
Что Мессия, голову склонив, пишет на песке.
И как тонким прутиком на девственном снегу
Я сам пишу стихи всего в одну строку.

Не оставил нам Мессия на песке расписки,
И белый снег не сохранил записки,

Там занесли песчаные ветра,
А здесь размывла талая вода.

На мольберте – краски прожитых страстей
И чёрные разводы затасканных идей,
Когда наступит время, и семя прорастет,
Художник эти пятна пальцами затрёт.

Покормлю с ладони белых голубей,
А тем, кто устыдится собственных корней,
Вьётся из пеньки особая петля,
И они её наденут сами на себя.

А когда я выплыву на разливы рек,
То вёсла будут для меня главный оберег,
Чтобы бриз ночной меня не отлучил
От родного берега, от родных могил.

Время

Тех, кто звёздными ночами долго смотрит в небеса,
В своё нутро вдыхает дальний космос.
Там из пространства и из времени сплетает кружева
Никогда не спящий сын Урана – Хронос.

Не бывает времени ни нашего, ни «ихнего»,
Оно нас всех в пространстве развело.
В нём не бывает ничего ни общего, ни личного,
Ему что человек, что камень – всё одно.

На его пути нет ни разъездов и ни стрелок,
Ни красных светофоров и ни тупиков,
Нет ни подчисток и ни переделок,
Как нет ни близких и ни дальних берегов.

Не остановится прекрасное мгновенье,
И любая жуть обречена.
Всё пройдёт: и кротость, и терпение,
И перемирием закончится война.

Оно не охлаждает и не греет,
Ничего не дарит и не отнимает,
Ярче не становится, но и не темнеет,
Потому и мало тех, кто время замечает.

Тень не обозначится без света,
Опять заря на небе зацвела.
Время не родит третьего Завета,
Оно не может различать добра и зла.

Помните, что время многое не может,
И своей рукою пишется судьба.
Оно зёрна от плевел очистить не поможет,
А по-другому не родит Матушка-земля.

Раздать

Головокружение в утренней росе
И в осколках голубого хрустала.
Это незабудки вальсируют в траве
Под музыку пришедшего утра.

У синего майора бабочка кружится,
А на неё косится серый воробей.
Мне уже давно волнительно не спится,
Хочется в дорогу поскорей.

Солнечные зайчики на кустах сирени,
От запаха её сердце заискрилось.
Я хочу из жизни стереть все светотени
И найти пути тому, что заблудилось.

Хочу в ручье воды не замутишь
И голубые незабудки не примять,
Хочу от главного себя не отлучить
И от собственных желаний себя не потерять.

Слишком много было перекрёстков,
Где часто зло за благо принимал.
Не отличив дерьма от самородков,
Душу нараспашку открывал.

Одинокий журавель молча пролетает,
А ты мечтаешь всё успеть раздать,
Точно понимая, что не потеряешь,
Коль наступит время умирать.

Осень

В осенних красках город, надуманный сюжет,
А холодный ветер студит и ругает.
Между серыми домами раскорячился рассвет,
Это тризна по тому, что лето улетает.

В бетонной загородке бледненькие астры
Крутят головами в поисках тепла,
Рядом с ними заяц из белой алебастры,
Обрызганный слезинками мелкого дождя.

На вымокшей газете подсолнух расклевали,
Машина у подъезда чихает и коптит.
Мы жили в ней, но никогда не понимали,
Когда осень в шутку говорит.

Золотой узор кленового листа —
Кому-то вдохновение, кому-то совершенство,
А желание предсказывать от третьего лица —
Всегда попытка оправдать своё же иждивенство.

Выстреливает зонт, как пистолет с глушителем,
Кто-то извинился и вину загладил.
Если ты не жил просто потребителем,
Значит, свои руки в деньгах не запоганил.

Всё прибудет, что намерено судьбой,
Годы жизни прошуршат как листопады,
Но осень, как душа, поёт вместе с тобой
Со дня рождения до мобильной балюстрады.

Отче!

В скрижалях заповедей есть одна строка:
«Почитай отца и мать свою».
Эта заповедь пережила века,
Она – ровесница людскому бытию.

У всех разные условия рождения,
Кому пеленки из батиста, а кому солома,
Но это самые прекрасные мгновения,
Даже если отнесли под порог детдома.

Люди забывают важных королей,
Но с дитём, родившимся в хлеву,
Связаны все чаянья людей,
И обращаются к нему во сне и наяву.

Сиротство – это чаша испытаний,
Это голод одиночества и слёзы по ночам,
И это всегда поиск оправданий
Потерявшимся отцам и матерям.

А ты придумай их, и красок не жалея:
Что с тобою мама с папой, и всё вокруг красиво.
В этой жизни не бывает ничего святей,
А что придумаешь, то и справедливо.

Когда уже глаза не смотрят никуда,
И когда совсем не стало мочи,
Трижды покрестись на небеса
И громко крикни: «АВВА ОТЧЕ»!

Печаль

Сегодня ранним вечером ко мне зашла печаль,
Вся в свете утончённых очертаний.
Она по-женски поздоровалась и скинула вуаль,
Слегка качнув волну благоуханий.

Она сегодня в музыкальном настроении,
И готова спеть либретто к «Свадьбе Фигаро».
И я сажусь за клавиши в почтении,
И начинаю в полутоне с ноты До.

Печаль, как календарь воспоминаний,
Она в первых поцелуях и жестоких тумачах,
Она вплеталась в паутину расставаний
И в поступки, что вершились впопыхах.

Она была в осаде, и в атаке,
И в полном отрицании в минуты исступлений.
Она всегда мне подавала знаки,
Пытаясь охладить накалы намерений.

Печаль, она и в смехе и в слезах,
В недоумении и умении пережить,
Она и рядом, и на дальних берегах,
Она умеет отойти и отпустить.

Поблёскивают клавиши, оплавлена свеча,
За окном темнее и темней.

Печаль сама уходит по дням календаря
И потихоньку просит закрыть за нею дверь.

Понять

Бессарабский рынок мается жарой,
На Крещатике каштаны солнцем зализало.
В тени большой рекламы с рыбкой золотой
Красивая цыганка мне карту стасовала.

Колода – словно пригоршня сыпучего песка,
А мне казалась Книгой Перемен.
Бусы цвета крови и чёрная коса,
Сегодня мне гадают красавица Кармен.

Но она сидит, как в винограднике гюрза,
И пророчит те же самые дела:
Червонному валету опять казённый дом
И на дальних пересылках чайник над костром.

И говорит, что надо принимать свою судьбу,
Ведь все тяжести рождаются из собственных грехов,
А я свой смысл и искупление найду
За колючей проволокой и скрежетом замков.

Мне вчера и в Лавре то же говорили,
Что надо каяться и горячо молиться.
Я помнил, что меня ребёнком покрестили,
А потом по правилам детдомовским учили.

Наверное, каждый помнит, что и как прошёл,
Но никто не знает, что ещё осталось.
Никто ещё свой срок не перешёл,
И что такое жизнь понять не получалось.

Почему?

У неё глаза ресницами прикрыты,
А из-под них стекла слезинка счастья.
Она танцует танго рио-риты,
И её целуют в оголённые запястья.

Саксофон и скрипка источают нежность,
И будто босиком по сини васильков
Танцуют две сестры – любовь святая
и святая верность,
И светятся кресты церковных куполов.

Не ищите меры у блаженства,
Слейтесь в поцелуе страстными губами.
Лишь тогда приходит совершенство,
Когда музыка становится цветами.

А ещё любовь умеет миром управлять,
И пускай не кончится танго рио-риты.
Только не забудь, за что можно умирать,
И почему была не принята жертва Маргариты?

Птенец

Уже помойка стала ночью подмерзать,
Но её вороны с утра когтями шуровали,
Они, как волки, на котов рычали,
А те как будто их не замечали.

Целлулоидную куклу с потёртой краской на губах
Кто-то ночью выбросил в помойку,
Она была без платица, но в розовых носках,
Видно даже куклы платят неустойку.

На растянутой резинке болтается рука,
А синие глаза, временем побитые,
Откуда-то глядят, издалека,
Как праздники, давно людьми забытые.

Ворон в непонятках смотрит на неё,
Он над ней навис, как нависает мрачный жнец.
Он не может разделить чужое и своё,
Понимая, что в помойке – человеческий птенец.

Старенькая бабушка куклу подобрала,
Тряпчочкой протёрла и спрятала в кошёлку.
Она, наверно, ей напоминала,
Что когда-то таким призом награждали комсомолку.

Нам теперь придётся в своих помойках рыться,
Чтобы не распалась связь времен,
И пытаться в прожитом чему-то научиться,
Ведь свободный не бывает от всего освобождён.

Серое

Очень скудные осенние фантазии,
Некрасивые и грязные потёки на домах,
Всё слиплось и смешалось в своём однообразии —
Это как налёт на искусанных губах.

Борода тумана прилипла к фонарю,
И тот в ранних сумерках почти неразличим.
Я сам себя сегодня обману
И буду представляться именем чужим.

Когда сегодня соберёмся на пол-литре,
Хочу назваться Пабло Пикассо,
Чтобы расписать в его палитре
То, что вижу сквозь больничное окно.

А там, на фоне серых театральных декораций,
Фигурки исполнителей теней.
Они не ждут восторгов и оваций,
Отыгрывая пьесу пострашней.

У меня тоже множество болезней,
И из них смертельных – большинство.
Для таких, как я, цвет серости полезней,
В нём сливаются Ничто и Естество.

Я в этом чёрно-белом телевизоре
Всё время свою музыку ищу.
Вы только не забудьте о любимом композиторе,
Если до весны не доживу.

Сказка

На поле Чудес, в стране Дураков
Собрался митинг в поддержку Буратино.
Пришёл народ с кисельных берегов
И двое грустных Арлекинов.

Чиполино с девочкой Мальвиной,
Страдающий Пьеро и заяка-попрыгайка,
Даже целых два простолюдина
И персонаж из сериала «Угадайка».

Пиявочник припёрся с порванным сачком,
Кот Матроскин с Колобком и Айболитом,
И, конечно, Золушка с Иваном-дурачком,
А ещё Дюймовочка с Незнайкой – сибаритом.

Усатый Бармалей истошно заорал,
И солдаты Урфин Джюса двинулись в атаку.
Бородатый Барабас костылём махал,
А Соловей-разбойник с Бабушкой Ягой нагоняли страху.

Тридцать три богатыря, не жалея сил,
Дружно навалившись, кусались как бульдоги.
Кощей Бессмертный всем издавека рулил,
А принц Лимон придумывал новые налоги.

Это сказка без начала и конца,
Кто есть Айболит, а кто – Кощей Бессмертный?
Чем отличаются живая и мёртвая вода?
И попробуй сам понять, кто будет милосердный?

Страхи

По горному ущелью, по осыпи камней,
По ледяным горбам, которые не тают,
Вразвалку брёл, сутулясь, понурый берендей,
Которого романтики давно пленить мечтают.

Ему присваивали множество имён,
У всех людей по всем годам и в век,
Он был тотемным страхом наречён,
Как лесной дикарь и недочеловек.

На него ставили медвежьи капканы,
Растягивали сети и собаками травили,
А на облавах со всей дури били в барабаны,
Но ни о чём по-человечески ни разу не спросили.

А он был старый добрый берендей,
Только в разные рядился одеянья.
Он нечисть отгонял от человеческих детей,
К людям приходя из зазеркалья.

А за тех не прекращаются побоища,
Но если заложили аленький цветок,
Кто же будет целовать чудовище
И из зазеркалья заберёт?

Вы в своё сердце страхи не пускайте,
Пытайтесь их без злобы победить,
Но никогда о них не забывайте —
Они ко многому способны побудить.

Темнота

Скрипит лодка сама по себе,
К берегу прижатая слабеньким накатом.
Месяц отражается в серебряной воде,
И губы твои пахнут горьким шоколадом.

Я был когда-то тайно покрещённым,
Потому и чувствую этот аромат.
На циферблате цифры светятся зелёным,
И поёт без передыха дальний перекат.

Мгновения, как искры, рвутся из костра
И умирают, превращаясь в пустоту,
И отражают твои синие глаза
Из космоса светящую звезду.

Но тает, плача, горький шоколад,
Его как дым глотает темнота.
Всё, что было, не тянуло на свадебный обряд,
И тенью стала твоя белая рука.

Сентябрь уже скоро подкрадётся,
И, наверно, обмелеет дальний перекат.
На циферблате стрелка без счёта повернётся,
И кто-то загадает желанье в звездопад.

Нашу косу жизни чувство заплетает,
Ведь даже ночью горизонта видится черта.
Ты кого-то обнимаешь, и он тебя вдыхает,
И расплетается моей судьбы коса.

Утро мудренее

Я сегодня встану раньше петухов,
Неумытый выйду на крыльцо,
И под крики дальних поездов
Ещё раз прочитаю вчерашнее письмо.

Оно во мне за ночь, как хмель, перебродило,
Одновременно и глумилось, и страдало.
Время всё давно перекроило,
И ничего на исправление не прислало.

Уличный фонарь, как нимб без головы,
Буквы разгоняет по листу.
Никто не скорректирует собственной судьбы,
Зубами зацепившись на краю.

Она была когда-то наваждением,
Заслонившим весь реальный мир,
А выгодно уйдя, осталась сновидением,
Но время, как известно, – лечебный эликсир.

Лишь узенькую щель заря нарисовала,
Петухи гребнями начали трясти.
Память – это книга без конца и без начала,
В ней многих можно не узнать и много не найти.

Не было руки, которая писала,
Потому и нечего было целовать.
Она письмо на принтере набрала,
Боясь, что её могут опознать.

Хандра

Чем тебе не повод до судорог напиться,
Когда всё кругом становится хандрой?
Но как-то получилось удивиться,
Что осень тоже водку пьёт со мной.

Она вилкой ковырялась в жареной картошке
И была настроена молчать;
Дождь пиликал на губной гармошке,
И мне хотелось ей вопрос задать.

Она пила и никого не замечала,
А в щель дверей сочились холода.
Она даты календарные сверяла,
Понимая, что увянет к началу декабря.

Паутинки лета сбились по углам,
Их уже не ловят тёплыми руками.
И, оставив рюмку, от нас ушла мадам,
Полыхнув по полу сквозняками.

Я рад, что воздержался от вопроса,
Похоже, будет ранняя зима.
С природы не бывает никакого спроса,
А у хандры одни лишь блёклые цвета.

В следующем году будем осень ждать,
Для неё всё лучшее закажем,
Будем её щедро поить и угощать,
И свои грустные истории расскажем.

Хоть куда-нибудь

По любой дороге, хоть куда-нибудь
Возьми меня в попутчики, шофёр.
Мне себя сегодня не в чем упрекнуть,
Потому не нужен ни суд, ни прокурор.

Может, будет ночью трудная дорога,
И свет от фар сыграет струнами дождя.
По грязи за мной бегут измена и тревога,
А я пытаюсь скрыться от себя.

Может быть, моя дорога – в никуда,
И там не будет ни тепла и ни приюта,
Но только бы предателей не слышать голоса,
Тех, которым честь – разменная валюта.

Возьми меня в попутчики, шофёр,
Мы будем вместе колотиться на ухабах,
И дежурный обязательно затеем разговор,
Может о политике, а можно и о бабах.

Будем говорить, а думать о своём,
А он ещё при этом станет напевать.
Его, наверное, ждут за ночным дождём,
А я от нажитого стараюсь убежать.

Дорога в хоть куда короткой не бывает,
Может так случится, что пройдут года,
Но если прошлое хоть как-то защищает,
Значит, не погасла ещё моя звезда.

Хлеб

В русском доме ссоры и разлад,
Если хлеба не поставили на стол.
Его сейчас на подоконники тулят
Как никому ненужный пищевой прикол.

Для хлеба всегда места не хватает,
И от него откажутся, чтобы не толстеть.
Там уже давно никто не понимает,
О чём на самом деле надо сожалеть.

Не помнят люди кислый запах голода
И четвертухи с лебедой в трясущихся руках.
Они уже забыли, что дороже золота,
Не поняв откровения о пяти хлебах.

И проросла внутри, как ядовитый плющ,
Греховная гордыня и вера в самовластие.
Человек забыл, кто справедлив и всемогущ,
Чем отвратил себя от таинства причастия.

Кто вымазан в дерьме атеистического срама,
Тем Крест – не указатель общего пути.
Все они – не от библейского Адама,
А порождение крошечной темноты.

Весна не может быть всегда в плену,
Мне преломили каравай былинный.
Я, может быть, не правильно скажу,
Но пытаюсь жить не хлебушком единым.

Яблочки

На дереве без листьев последние милые яблочки,
Крот шуршит в прожитых календарных днях,
На поплавки сощурились мальчишки-рыбачки,
И вкус прохладный и грибной на моих губах.

Рябина музыкой оранжевой звучала,
И маленький комар похож на балерину.
Пепельная горлица подсолнух расклевала,
И мне осталось весточку отправить на чужбину.

Момент для извинения найдите подходящий,
И лучше это сделать на восходе дня,
Где ты был живой и настоящий —
На тех подмостках у заросшего пруда.

Камыши слегка качают головами,
Тут, похоже, помнили меня.
Течение жизни измеряется годами
И ручонкой детской, отпустившей карася.

Напишу картину начала октября:
На маленькой палитре намешаю краски.
Яблочками милыми побалую себя
И во всем покаюсь без оглядки.

Кто-то рвётся с жизнью поиграть в орлянку,
Такие изучали грамоту в тюрьме.
Никого не принуждают показывать изнанку,
Тебе без этого октябрь напишет резюме.

2×2

У самой кривой *палки будет два конца,*
А у всех компьютеров – двоичная система,
И в её основе опять же цифра два,
И там решается любая теорема.

При голосовании забыли, что 2×2 – *четыре,*
И что бывает *трудно между двух огней.*
И от этого им захотелось улыбаться ещё шире,
И вокруг чтобы побольше праздничных огней.

«*Две правды не бывает*», – сказали в околотке,
Но не стали ни запугивать, ни бить.
Они хотели выяснить, где ночью купить водки,
Им до одури самим хотелось пригубить.

Скупой заплатит дважды в который уже раз
В студенческой столовке за прокисший квест.
И будет им давиться хотя бы напоказ,
Реально понимая, что объедки чьи-то ест.

Как две капли воды на сцене балерины,
Очень уж похоже, запрыгнуть и заскок.
Книгу жизни не читают с середины,
И тебя снова понуждают учить не тот урок.

При всем желании *два раза не умрёшь*,
А время – постоянный, неотступный страх.
Но коли *в одну воду дважды не войдёшь*,
Ничего не надо делать впопыхах.

Три

Тройка – цифра вещая в нашей мифологии,
Ну, пускай, у нас всегда был *третий лишний*,
Усугубить без третьего равнялось патологии
И предательством к традициям давнишним.

Наговорить с три короба прогнозов горячительных
Всегда считалось признаком таланта,
Всё было рассчитано на слабеньких и мнительных,
Потому всегда решение и в пользу спекулянта.

А плакать в три ручья всегда старались хором,
Хотелось сопли утирать умными речами,
Ковыряться в сплетнях и проживать раздором,
Втихушку прорастая бараными рогами.

Согнуться в три погибели – значит присягнуть.
А если затянуть арию за здоровье,
Тому и достаётся две пайки отхлебнуть,
Кто барина сегодня встретил кучерявее.

А обещанного ждуют три года, как детскую мечту,
А там уже забыли, что тогда нагнали.
Кому надо вспоминать старую пургу,
Когда сами кренделя уже сожрали?

Нас мифами и сказками пугают,
А я пред цифрой три испытываю страх:
Боюсь, что жизнь мою третями разыграют,
Наверное, я – *заблудший в трёх соснах.*

Бирюзовый

Кончился под утро дождь осенний,
И посыпался с небес холодный снег.
Но в твоих глазах откуда свет такой весенний,
Наверное, ты от грусти знаешь оберег?

Но хоть пристыли руки, и зарделись щёки,
Голубыми незабудками светятся глаза.
Это равнодушию и холоду упрёки,
И неверию, что вновь придёт весна.

Где-то высоко лебеди кричали,
Они-то точно знают, что вернутся;
А меня надежды оставляли,
Что с прожитым сумею разминуться.

В уши разные шептали голоса:
Здесь возьми построй, а здесь возьми разрушь,
Они жили мою жизнь, спеленав меня,
А настоящая любовь – это любовь душ.

Поклонились даты, по будням проскользя,
А незабудки мне кричат издалика
Всё одно и то же – не хорони себя,
Она уже в пути, твоя весна.

Я, конечно, выдумал сказочную фею.
И пусть уже недалеко закат багровый,
Я ещё надеюсь, что успею,
Потому что цвет мой – бирюзовый.

Брошенная

Кто сам себе стреляет в воспалённые мозги,
Категорически не верит в сострадание.
Он думает, что разом оплатил свои долги,
И умирает без молитв и покаяния.

Он отказал своей душе в приюте,
Не пустив её в ворота бытия,
Где души очищают от скверны и от мути
И размещают в новые тела.

А она теперь – бродяжка и скиталец,
И ни в ком себя не может поселить.
Он когда-то в своём теле был страдалец,
А её нельзя ни спрятать, ни казнить.

Кто сам себя лишил подобия творца
Из страха жизни и сомнений,
Тому по приговору высшего суда
Отписана судьба на девять поколений.

На потомков ляжет этот камень чёрный,
И корявый грех им каждый Божий день
Будет как вступительный экзамен,
А значит, горьким испытанием для всех.

Душа неубиенная плачет и томится:
Она не может свой приют найти.
И милостиво просит за неё молиться.
Мой Боже, сию чашу мимо пронеси!

В день Николая Чудотворца

Бурлит уха в чугунном котелке,
В нём красным бисером отсвечивает мальма.
Мы лучшее из блюд готовим на костре,
У меня сегодня у огня исповедальня.

Разлита водочка в гранёные стаканы,
На хлеб намазана зернистая икра;
А комары, как злые хулиганы,
Тычутся в затылок и в глаза.

Уже по стланику развесился закат,
Природа здесь живёт, не притворяясь.
И тут самые правдивые тосты говорят,
Глаза не отводя и не кривляясь.

Вот из чайника слегка парок пошёл;
Бурундук очистки от картошки подгрызает.
Я сам к себе сегодня из прошлого пришёл,
Земля родная никого не забывает.

Чайник, закипая, мелко забубнил;
Водочка, как принято, по кругу разливалась.
Всё плохое, что я в жизни пережил,
От этого тепла в тени расплавлялось.

Много всякого гуляет по земле,
Но ничто нельзя начать сначала.
А я хочу, чтобы сегодня мне во сне
Из детства серая кедровка прокричала.

Весть

Город грешен и далёк от рая,
А на ступеньках перехода с площади в музей
Сидела женщина в лохмотьях и босая,
Она просила хлеба накормить детей.

А все мимо проходили, словно наваждение
Из проклятий, наставлений и просто матерков,
Со всей отравой, что с самого рождения
Вкушает каждый житель городов.

Одна женщина крестилась и плевала,
И по дереву панически стучала.
А бездетная, по-видимому, пара
Её просто шлюхой обозвала.

От каждого свои претензии звучали.
Детям говорили – такая Родину предаст,
А в протянутую руку даже грошика не дали,
Наверное, репутацию боялись запятнать.

Он не бывал в блокадном Ленинграде,
И не пришлось ему на зонах голодать;
Он просто к жизни относился как к награде,
И попросил за всех: «Прости нас, мать».

И случилось то, что назовётся чудом:
Рваньё вдруг превратилось в Благостную весть.
Она была Архангелом, присланным оттуда,
И, возносясь, он вострубил: «Надежда ещё есть».

Вместе

Я видел миражи, и был гоним не раз,
Перед закрытыми дверями постоял.
На меня пытались даже делать сглаз:
Я всегда кому-нибудь мешал.

Когда двери всё же открывали,
То старались делать добрые глаза,
Которыми до нитки раздевали,
Пытаясь выведать – со мной ещё душа?

А мы болели вместе и вместе голодали,
Прошли дороги искушений и сомненья.
Нас убивали, а мы опять вставляли
Во славу своего предназначенья.

Если в вашу душу сумели наплевать,
Она всегда подскажет, как надо поступить:
На что надо ответить, а что надо простить,
И как промеж людей зло остановить.

Пусть вашими устами говорит душа,
Ведь она не только вместилище утрат;
За неё не прекращается война,
Она – небесной волей присланный солдат.

Мы с ней в объятиях друг друга согревали,
И она умела так красиво петь,
Что смоковницы в пустынях расцветали
И спешили в нужный срок дозреть.

Данность

Кто сказал, что каждому своё,
Что тебе отмерено, тем ты и живёшь?
А может каждому воздастся по делам его,
Это то, что сеешь, то и жнёшь.

Всё для нас вокруг – насыщенный хлеб:
И любовь детей, и Библии страница,
И алмазный фонд, и просто ширпотреб,
Кузница в деревне и сельская больница.

Если есть на свете в небо лестница —
Это детства твоего библиотека.
Она твоя предтеча и твоя наследница,
Она – то, что сотворяет человека.

От азбуки до первого романа
Очень быстро время протечёт,
И кто-то будет рваться из тумана,
А кто-то спрячется за первый отворот.

Кто-то вёслами мозоли натирал,
А кому замочной скважины хватило.
Одни поганили, а кто-то соскребал,
Потому и нет на всех единого мерила.

На насущный хлеб не мажут мёд,
И никому не надо подражать.
То, что заслужили, вас обязательно найдёт,
И это суждено как данность принимать.

Девочка

Почти все птицы улетели
К чужим, но тёплым берегам,
А на этом бережку уж заледи блестели,
И прозрачные сосульки висели по кустам.

Священная птица – посланница богов —
Стоит на два вершка в воде.
О такой написана тысяча стихов,
Где каждый причислял её к судьбе.

Девочка-журавушка из нежных детских снов
Кем-то была ранена в крыло,
Она кричала жалобно с приходом вечеров,
Ведь вода за ночь превращалась в стекло.

Этой девочкой была японская журавушка,
Которая, танцуя, как лотос раскрывалась.
Вмерзала в лёд красноголовая красавушка,
Но в руки человеку не давалась.

И пришёл рассвет – ясный, но холодный,
Она последний раз сумела ночью прокричать.
Наверное, этот мир никуда не годный,
Если в нём позволено душу растерзать.

Тысячу журавушек в небо запуская,
Люди верят в их способность счастье принести.
Только мы здесь, нарочито сострадая,
Одну лишь девочку не сдюжили спасти.

Дом

Я люблю свои кривые переулки:
Здесь душа моя безгрешная жила,
Тут память отворяет глухие закоулки,
Отсюда началась моя судьба.

Почему меня сегодня не встречали?
Тут, наверное, никого уже не ждут.
Было, что с дороги чаем угощали,
А теперь стакан воды не поднесут.

Здесь не место жизни молодых,
Вместе с нами всё вокруг дряхло.
А я из тех, кто штучно числятся в живых,
Наше время отцвело и отсвистело.

Я не очень ровно выдыхаю
На почтовый ящик, что насквозь проржавел,
Наверное, только здесь и понимаю,
Где не дошёл и сколько не успел.

Одинокий лютик через грязь пробился —
Это мне из прошлого кто-то улыбался.
Я чему бы в жизни ни учился,
Всегда к своим истокам обращался.

Уже с кем было надо в жизни повстречались,
И все однажды обязательно умрём,
Но хочу, чтобы при жизни восторгались
Тем, что голые пришли и голые уйдём!

Если зачтут

Героев истребят, останутся надежды,
Ведь все реки на земле смотрят в облака.
Ты когда-то примерял не свои одежды,
Рискуя безвозвратно потерять себя.

А теперь целуешь порушенные стены,
Надеясь что-нибудь из памяти изъять,
А там кривляются твои же манекены
И что-то нехорошее пытаются сказать.

Тени прошлого, как грязные ботинки,
Отстояли своё право всегда быть на виду.
И сколько бы ни скушал сладенькой малинки,
Всегда останешься с привкусом во рту.

Вспомни, как безвольно ты шёл на поводу,
Как идолов к себе пустил в учителя,
И страхом плакать по распятому Христу,
Как плетью, отгонял святое от себя.

Менялись на престоле верховные правители,
Как в банке пауки друг друга пожирая,
Но меня не бросили небесные целители,
Благовестием душу промывая.

Героев истребят, отшепчется молва,
Триумфально новые правители придут,
А мне пускай достанется лишь мира красота,
Если все мои раскаяния зачтут.

Забыть и потерять

Мы, бывает, в повседневности теряем
Ключи, кошёлки, деньги и зонты.
Ну, и конечно, ничего потом не знаем,
С кем они по жизни побрели.

А вот то, что забывается, часто возвращается,
Если чудом вспомнить, где забыл.
Но бывает, с памятью курьёзы получают,
Особо, если с вечера припил.

Забыть и потерять – не одно и то же,
Это так же, как бежать и убежать,
Но отношение к ним может быть похоже,
И, потеряв и позабыв, попытайтесь не страдать.

Потеряв надежду на выход из лабиринта,
Всё равно старайтесь двигаться на свет;
Надо отказаться от скоростного спринта
И медленно искать спасительный ответ.

Но если позабыли тех, кого любили,
Тем самым отвратив от главного себя,
То, получается, вы вроде и не жили,
Своё имя вычеркнув из книги Бытия.

Бывает, голос разума мы сами заглушаем,
Его хочется оставить на потом,
И какие-то минуты проживаем,
В безрассудстве пробиваясь напролом.

Занавес

В часах, наверно, шестерёнки заржавели,
С чего бы стрелкам двигаться назад?
И почему-то клёны резко пожелтели,
А всё, что говорится, – как-то невпопад.

В унисон не ладится, в такт не получается,
Ветер извивается холодной змеёй.
Рифма искромётная сама себя пугается,
И рюмка поминальная зовёт тебя домой.

На сцене балерина по кому-то плачет,
И чтец стихотворений намертво охрип.
И уже никто и ничего не тратит,
И смытая косметика являет новый лик.

Наши ужасы – совсем без маскировки,
Потому и скисли все богатыри.
Но если в чашке алюминиевой две горсточки перловки,
Значит, мы на правильном пути.

Кто-то украшает небо лоскутами,
Кто-то у порога жалобно бубнит,
Но никому не схорониться за этими теньями,
И каждый вовремя на финиш прибежит.

Расплющенными пальцами красиво не напишешь,
Если в самом главном себя не превозмог.
Ведь ртом без языка рану не залижешь,
Но всё же в этой пьесе будет эпилог.

Заскок

У меня на завтра странный гороскоп,
Он звучит как несъедобный комплимент:
Под дворовую музыку хип-хоп
Для меня точкуют в космосе момент.

Когда Меркурий, конопатый как июльский абрикос,
Зайдёт без приглашения в дом Луны,
То мой реальный мир отделится от грёз,
И про меня заговорят из пустоты.

Астролог, как колпачник, двигает руками
И чертит для меня звезду координат.
Он мне судьбу малюет мелкими штрихами,
Слушая подказки из вселенских врат.

А у меня свои планеты и туманы,
И они совсем не мутные разводы.
Это не иллюзии и не самообманы,
А голос моей собственной природы.

Мне дайте больше о себе узнать,
Мне не нужна опора, чтобы мир перевернуть.
Мне главное – душой не обнищать
И благодати от себя не отпугнуть.

Меркурий засиделся в доме у Луны,
Я засыпал под музыку хип-хопа,
Но разве сон сумеет отделить
Реальный мир от звёздного потока?

Застолье

Не хочу ни грустных песен, ни серьёзных разговоров,
Сколько жизни той осталось, неизвестно никому.
Хочу за стол с друзьями, разных разносолов,
И слушать разбитного тамаду.

Пусть будет много водки, закусок и конфет,
Пусть расстегаи дышат как живые,
Хочу, чтобы пошёл вприсядку старый дед,
А рядом хороводили дивчины молодые.

Понятно, что никто не без греха,
И каждый сам набил себе горбы,
Но на сегодня все оставили дела,
Сегодня только о любви слушают тосты.

Забудьте ненадолго о хворобах
И закусите водку голубцами,
Ведь было счастье без подсчётов и доходов,
Когда мы были просто пацанами.

Мы будем есть и пить без перерыва
И говорить друг другу добрые слова,
Не будем думать хитро и блудливо,
Поняв, что прожитое – только суета.

Не будет много траурных речей,
Только заиграет музыка печальная,
И о тех, кто не дожил до этих дней,
Наверное, скажут слово поминальное.

Здесь

У кавказских христиан сегодня Рождество.
Рубенчик с ночи хаша наварил,
А с утра нажарил с луком баранье яйцо
И ровными кусками мяса нарубил.

Через полчаса в мангале угли замерцают,
А пока – бозбаш, долма и бастурма.
Здесь в рюмки русской водки наливают,
Она всегда холодная в начале января.

Это не простое пьяное застолье,
И это – не портвейн в подъезде распивать.
Здесь будет тесно, но будет и раздолье,
Здесь своё умеют показать.

Здесь хорошими словами тебя не обойдут
И, чем смогут, будут помогать,
Но к этому столу из них не все придут:
Жизнь сумела у меня друга отобрать.

Шашлык умелыми руками сотворят
На длинных, словно саблях, шампурах.
И если что-то не доскажут, глаза договорят.
И молча выпьют за Нагорный Карабах.

Здесь ждут от Шарля Азнавура поздравленья,
И здесь сегодня каждый от своих забот лечился,
Ведь сами по себе развеются сомненья
В день, когда Христос родился и явился!

Интуиция

Я сегодня ангажирован с закрытыми глазами
Под лазерного гения Жан-Мишеля Жарра.
Интуиция меня обняла белыми крылами
Под искры Млечного Пути и ровное дыхание квазара.

Она сегодня говорила только для меня
И за жизнь беспутную совсем не порицала,
Всегда со мной была её рука,
И я точно знал – она меня спасала.

Она не судит и не поучает,
Она назначена в служенье до конца.
И порой твои поступки совсем не принимала,
Но будет до последнего бороться за тебя.

Она и есть тот Божий ангел-удержитель,
Который душу в теле охраняет.
Он и провидец, воин и святитель,
Он и саван, когда тело умирает.

Не бывает интуиция плохой или звериной,
Всем когда-нибудь придётся повиниться.
А если сильно заросли коркой негативной,
Надо иногда в небо покреститься.

Я сегодня ангажирован с закрытыми глазами
И вальсирую в космическом дожде,
А время днями погоняет, как плетями.
Спешите слышать ангела в себе.

К себе

На болоте голубичка, а по буграм – брусничка,
И маслятки семьями прячутся в распадке.
На бородатом пне – птичка-невеличка,
И если всё это живое, значит я в порядке.

Я никому не верил, что круглая Земля,
И что в мире главное – любовь, а не сражение.
А путь – это дорога от себя и до себя,
И на ней не потеряться – главное свершение.

Мой первый поцелуй был неудачный:
Моя любовь уже вкусила страсти неземной,
А я путался в ногах, мелкий и невзрачный,
Когда внутри неё уже гулял чужой.

Я плен прошёл и избавленья,
Ждал милостей, и сам их раздавал,
Как мог презрел телесные мученья,
А вот душой мучительно страдал.

Я и бежал, и полз по параллелям,
И, Землю обогнув, скажу себе,
Что, пройдя сквозь жуткие завалы и узкие тоннели,
Я, к счастью, до сих пор в своём уме.

Но больше не могу страстями проживать
И вновь намерен чувства обрести.
Когда-то здесь меня родила мать,
И я пришёл сюда себя найти.

Клятвы

Болеет то, что раньше бралось сострадать,
Где-то в самой глубине что-то догорает.
Что раньше волновало и умело возбуждать,
Медленно, но верно умирает.

Приходится напрячься, чтобы не забыть,
Какие мама песни пела в колыбели,
И как бежал из школы ей пятерку подарить,
И когда было тепло, а когда мели метели.

Память крошится на мелкие кристаллы
И рассыпается, как серая зола.
Мы забываем расставания и вокзалы,
И ту, которая не клялась, но ждала.

И я вернулся, как бы очень поумневший,
К той, которая ни часу не ждала.
Я не был умным, а был просто захмелевшим:
Она клятвами опутала меня.

Вот это приключение мне память сохраняет,
Такое прилипает навсегда.
Клятвопреступник до конца не выгорает,
А изнутри тихонько кушает тебя.

Клятвы и зароки – символы греха,
Как слёзы без причины – признаки болезни,
А память ничего не тушит навсегда,
Если вы с подсказками сами не полезли.

Лето

На цветке Морфея
В заколдованном лесу
Сидела сказочная фея
Размером с медоносную пчелу.

Её сморило в томной неге,
Под скрипку захмелевшего сверчка,
А набежавшие росинки в крохотном ковчеге
Искрились словно брюшко светлячка.

Акварели лета в воздухе кружатся,
В золотом подсолнухе орудует скворец,
Маленькие рыбки на мели резвятся,
А мы, каждый для себя, и сеятель, и жнец.

Водичка зализала на речном песке
Нечёткий отпечаток туфельки хрустальной.
А тот, кто первый раз целуется во сне,
Душою вопрошает музыки венчальной.

Ведь полуденная тень – лишь видимость прохлады,
А паутинки лета блестят, как седина.
Годы просияли, как молнии разряды,
Свечою догорая на плахе алтаря.

Маленькое зёрнышко в колос проросло,
Он и поможет святость от порока отделить.
Ведь не зря на нас однажды чудо снизошло,
А ворон заорал, чтоб фею разбудить.

Не трогайте

Он её попросит просто погулять
По тем улицам, на которых рос.
И можно будет под руку держать,
Пусть у всех появится вопрос.

Как такая может быть с таким?
Умная, красивая, из семьи непьющих —
С хулиганом и со всех сторон плохим,
Из барака для малоимущих.

Его только отпустили с малолетки,
А он сегодня участкового послал,
Когда бросал ей под ноги конфетки,
Которые, наверняка, где-нибудь украл.

У неё сегодня вечер выпускной,
В коротких гольфиках и с белыми бантами.
А он ждёт под школьной дверью проводить домой,
А в руках букет с дешёвыми цветами.

Он сколько надо, столько будет ждать,
И никто над этим власти не имеет.
Он готов за свои чувства умирать,
Если это её сердце обогреет.

Я всех берусь на этот счёт предупредить,
Всех, у кого качает сердце кровь,
И готов во все колокола звонить:
Не трогайте детей, когда у них любовь.

Милосердие

Дайте мне от пуза наесться землянички,
Дайте насмотреться в неба высоту,
И попить до хруста колодезной водички,
И вечером дожждаться первую звезду.

Дайте опереться на веру православную,
Чтобы точно знать, куда идти,
Да ещё на силушку русскую, державную,
Чтобы людям Милосердие нести.

В ладони – маленькая горсть святой земли
Супротив дракона атеизма,
Он восславил все, что в мире есть, грехи
И выродился в призрак коммунизма.

Но Милосердие никто не отвоюет,
Оно горит звездой в кромешной мгле.
Когда любовь во всём восторжествует,
Эра Милосердия наступит на Земле.

Станет всё доступно и понятно,
И выселится страх из обихода,
А войны канут в вечность безвозвратно,
То и будет долгожданная свобода.

Я буду землянику в лукошко собирать,

Такая у меня свобода воли.

Милосердие – оно нам всем родная мать,

И обязало нас прожить без страхов и без боли.

Часть II. Стриптиз

Стриптиз

У неё были марсианские глаза,
А волосы – как нимб небесного привета.
Она пришла как триумфальная волна,
Стройная, как башня минарета.

Её губы, словно красные кораллы
И искрящиеся грани самоцвета,
По мне хлестали музыки обвалы
И крики от басов и до фальцета.

Она плыла в лучах сценического света
И, вопреки натершему мозоли этикету,
Была до тоненьких верёвочек раздета,
Излучая чары от заката до рассвета.

К ней тянулись жирными руками,
Себя пытаясь до оргазма довести,
Её лизали сальными глазами
И всё время рвались увезти.

А я мучился душевной голодовкой

И сидел затравленный и злой,
Полоскал кишки дешёвой водкой
И сам себя пугал уйти в запой.

А мне бы в те глаза поглубже заглянуть,
Я, может, сам свои фантазии порушу.
Или мне тоже руки протянуть
И заорать: «Спасите мою душу!»

Олимп

В плечах косая сажень, покатая спина,
Ядрами чугун по мышцам раскатился.
Шея в три обхвата набычена всегда,
Это бодибилдер в витрине отразился.

Модная причёска, зеркальные очки —
Тут явный фаворит турниров красоты.
Он Шварценеггера догнал по жиму от груди
И усвоил многие киношные финты.

Он смотрелся феерично в витрине из стекла,
Когда стоял в лучах полуденного света,
И был готов за обожание себя
Раздать сто копий своего портрета.

Он привился от коварного ковида
И изнывал от похоти к себе,
И приходя в неистовство от собственного вида,
Себя ласково поглаживал везде.

Он был по пляжам главный Аполлон,
И хоть с женским полом дела не имел,
Был ими до Олимпа вознесён
И уже не мог остаться не у дел.

У кого-то в жизни всё красиво и надёжно,
И всё, что наковано, в сохранности лежит,
Однажды усомнитесь, задумавшись тревожно,
Может та надёжность – один лишь только вид?

Останься

Когда змея ужалит, или зверь поранит,
Что бы ни случилось, останься сам собой,
Если даже друг по-подлому обманет,
Иди по жизни только по прямой.

Может, не в ту сторону маятник качнулся,
Не стань таким, каким тебя не знали.
Твоя судьба – не отойти и отвернуться,
А идти на нож, если нож достали.

Кто-то крутится волчком и блестит боками,
Кто-то в услужение себя определил,
А тебе ходить с разбитыми губами,
Потому что кого надо не хвалил.

Для таких как ты, свобода – это плен,
А плен – как окаянная свобода.
Ты ждёшь от жизни время перемен,
Как ждут небесной манны с небосвода.

Волки перегрызлись, попрятались шакалы,
В чёрном небе гром вступает в разговор.
У тебя сегодня дом – холодные подвалы,
Это то, что называют честный приговор.

Алчущие правды насытятся однажды,
Только никогда себе не изменяй.
Ты узнаешь послевкусие утолённой жажды,
Только ни за что себя не продавай.

Отслужи

Право поучать надо заслужить,
Прожив жизнь, не отрекаясь от святого
В готовности убить, в способности простить,
Выслужив себя с портянок рядового.

А кому-то выдают право поучать.
Это тем, кто в штатном услужении,
У кого способность угождать —
Главная потребность в самовыражении.

Умение прислуживать и льстиво говорить
В вертикали власти – как сварка в арматуре;
Талант записку тайно передать и упредить
Всегда востребован при личной диктатуре.

А есть, кто комплексно умеют обслужить,
Те, которые полижут и стеснительно дадут,
Такие всю службу могут пережить,
Где-то привнесут, а где надо шевельнут.

Заслужить, прислужить и обслужить
В этом мире слиплись в один ком,
Мы там – из страха умереть и страха жить,
Хотя у каждого свой личный метроном.

Наступит день, меня не станет на миру,
Пускай убьют, но только бы не сзади.
Последней фразой я у друга попрошу:
– Отслужи по мне за Бога ради.

От имени

Существует у достоинств слабое звено,
И это будет не продажная подружка.
Это когда всё вокруг – навет и зло,
А пойти в атаку – коротка кольчужка.

Бесформенным пятном становится рассказ
О том, как все просили миролюбия.
Когда позже оказалось, что кричали под заказ,
Все призывы захлебнулись в луже словоблудия.

Когда делёжка или пересчёт,
У того, кто блещет дружелюбием,
Внутри всегда мурлычет хитрый кот,
Прозванный в народе себялюбием.

Тех обделили, а этим не досталось,
И они вооружились правдолюбием,
И у многих очень даже получалось
Своим же упиваться честолюбием.

А в тех, кому начальствовать судьба,
Конечно, просыпалось властолюбие,
И каждый ощущал вокруг себя
Как к коже прилипало сластолюбие.

Кому очень хочется от жизни
Получить не в глаз, а в бровь,
Не пристраивайтесь к этой дешевизне,
Хотя, вроде бы, и то, и то – от святого имени любовь.

Пересчёт

Назовитесь гениальным
И приходите миром управлять,
А обзовётесь деятелем brutальным,
Толпа сбежится восхвалять и прославлять.

Провозгласив себя насущным хлебом,
Будете обязаны просящих накормить,
Но вас поправят циркуляром лженаучным,
Чтобы правильно умели уличённых отличить.

А заявите, что вы и есть порядок,
Укажут всё, что было позабыть.
А если что коснётся крупных взяток,
Не позволяйте обойти себя или смутить.

Но вдруг окажется, что вы побеждены,
Надо бежать от тех, кто это знает.
Пусть те исчезнут, кто убеждены,
Что понимают, что вас до смерти пугает.

Но если вас назначили волком,
То пусть теперь по шерсти только гладят.
А всех, кто был когда-то под замком,
В телогрейки с бирками нарядят.

На одних страницах всем не уместиться,
И в переключку превратится пересчёт.
И, наконец, сумеют разделиться
Легендарные спецслужбы и народ.

Прогнозы

В ответ на самое большое откровение
Мне сказали: «Вот бы нам такие немые,
Жизнь бы превратилась в общее везение»,
Им казались никакими все мои проблемы.

Мне как-то сразу заметно полегчало,
А что свою подружку застал в постели с другом,
Меня уже почти не волновало,
И теперь казалось не больше чем испугом.

В бочку с мёдом дёгтя подмешали,
А кислые лимоны сахаром засыпали.
Прислугу и холуев за деньги покупали,
А верность и любовь на дыбе распинали.

От короны шея может искривиться,
А от нервотрёпки пухнет голова.
Пришла пора за свои страхи устыдиться,
Помня, что барану – плеть и шампура.

Уже на гайке сорвана резьба,
И из крематорных топок соскребли золу.
За кем-то только тянется кровавая рука,
А кого-то в феврале убили на мосту.

А уже в марте зацвела мимоза,
И прилетели ранние грачи.
И люди ждут хорошего прогноза
На проживанье собственной судьбы.

Про то

Много шума от топтания на месте,
И не надо возвращаться к пустому разговору.
Сегодня жертва не попала в перекрестье —
Это не дали слова прокурору.

Набрали в коридоре водички вскипятить,
Больно захотелось чая с чабрецом.
Кто крепился долго, чтобы не запить,
Оказался круглым дураком.

За чёрными очками спрятали глаза,
Но будь уверен, что виновного найдут.
И будет адвокат буровить от себя,
А очевидцев сколько надо привезут.

О главном разговор не заводите:
Им что-то пережала резинка от трусов.
Вы с серьёзным видом через них смотрите,
Вроде как скорбите про ихних праотцов.

Сержанты из конвоя дуются в очко,
Им на завтра дали выходной,
Они с марухами договорились на кино,
А потом на пиво с минтаевой икрой.

Скарабей какашку катит по земле,
Он – герой совсем не наших сказок.
А здесь ждут известия в новостной строке
И курьера с текстами подсказок.

Золотыми буквами прямо на эмаль
Светилась надпись: «Пенсионный фонд».
Оттуда кто-то вышел и выбросил медаль,
Как фиговый листок и корявый понт.

Я медаль положил на крыльцо
И уже не замечал, что до трусов промок.
Я сегодня заглянул куда-то далеко
И увидел будущим романтикам урок.

Свобода

В водовороте чисел и событий
К стакану с водкой тянется рука.
Когда тошнит от церемоний чаепитий,
Пусть лучше убивает похмельная хандра.

Мне больше не в чем полоскать свои мозги,
Чем в градусах этилового спирта,
Там я сам себе могу нагнать пурги
И насосаться эротического вирта.

И всё равно с кем пить и с кем кусаться,
Над кем шутить и за кого голосовать.
Я могу в овечью шкуру обряжаться
И одновременно волчью маску надевать.

Я могу реветь, могу смеяться,
Могу честь отдать, могу послать,
И в матерной тональности с любыми объясняться,
И какие захочу лозунги орать.

Никто моих свобод не отберёт,
Ведь даже пнуть побрезгуют меня.
Там есть кого тащить на эшафот,
А я – безродный бомж и голытьба.

Мне всё это рассказывал случайный человек,
Которых много в вашем околотке.
Он и меня позвал в спасительный ковчег,
Как факир, из рукава достав бутылку водки.

Холуйство

Хочешь научиться выгодно общаться?
Старайся пахнуть нежно и приятно.
И думай обязательно, прежде чем смеяться,
И должен выглядеть по-светски чисто и опрятно.

Учитесь по-собачьи заглядывать в глаза
И точно знать, с кем пить, а с кем гулять.
Привыкай чужие маски примерять,
И всегда запоминай, в какую сторону плевать.
А если не научитесь дурака включать,
Будет под вопросом ваш карьерный рост.
И необходимо также знать, кому арапа заправлять,
А когда прикажут – убегать, поджавши хвост.

В припадке лизоблюдства сердце замирает
И готово польку-бабочку сплясать.
И когда у шефа даже пудель воображает,
Сходи с ним вечером в сквере погулять.

И если научился льстить и пресмыкаться,
И все распоряжения холишь и мусолишь,
И если угождать не устал стараться,
То вот уже и сам невкусное подсолишь.

Услужники грызутся, как гиены,

Каждый хочет первым начальству
прислужить.

А это даже хуже запущенной гангрены,
Но никто не предлагал холуйство отменить.

Сор в избу

Прямо на пороге Садового кольца,
Где рядом изолятор следственный,
Куры насмерть расклевали петуха —
Поступок крайне злой и безответственный.

Придумывать позор могут изуверы,
А шаманы в такт бубнами трясли
Про то, что мы и есть миссионеры,
И что на Марсе будут яблони цвести.

А купленная слава – как тетива у лука,
Всегда натянута, как звонкая согласная.
Кто в свои двери ждёт ночного стука,
Значит, он с характером и натура страстная.

Главное сейчас – не изменить мечте,
Держите крепче бюллетень голосования.
Для вас это оружие в классовой борьбе
За свободу выбора и право послушания.

Говорят, что мудрые заносят сор в избу,
И им Луна квадратная, как тесные ботинки.
Те, кто долго едет на чужом горбу,
Не видят ни бревна и ни соринки.

Случилось с петухом публичное несчастье,
А его имя – в титуле Римских императоров.
А всё из-за его активного участия
В завоеваниях новых триумфаторов.

Шея

Все мы когда-то были эмбрионами,
А мать для нас была первопричиной.
Мы были человеческими клонами,
Притянутыми нитью-пуповиной.

Мы были иждивенцами по статусу,
В соответствии с законами природы.
Но кто-то прилепился к этому оазису,
Оттуда и качал свои доходы.

Нашейный статус был всегда в цене.
Бесконечно много разных хомутов,
Их на шею надевают, как красивое кашне,
А получается удавка для лохов.

На хорошей шее ехать – не в горбах трястись,
И тебя уже признали в роли кукловодной.
Только обещать побольше не скупись,
Ведь нету шеи крепче, чем народной.

Сидеть удобно, когда свесишь ноги,
Здесь важно правильно на уши нашептать.
И не надо, чтобы было по дороге:
На развилке можно шпорами поддать.

В тропическом лесу орхидеи расцветают,
Они паразитируют на чужом стволе.
Любые иждивенцы чужое отбирают,
Присосавшись к чьей-нибудь судьбе.

Юз

Кого сейчас пугают египетские казни?
Всё – за воздушный поцелуй на рыцарском турнире.
И наплевать на бешенство – болезнь водобоязни,
Когда палата номер шесть в собственной квартире.

Слёзы как вода, чего их там бояться,
Они каплями прозрачными липнут на лицо.
Но если сильно хочется за своё подраться,
Резко тормозни, чтоб юзом повело.

Юз, он и числитель, он и знаменатель,
В итоге дробь становится нулём.
Эту арифметику учит обыватель,
При всех тревогах оставаясь ни при чём.

Лукавили от трусости и от шкурной выгоды,
И от мировоззренческой причины,
А жадная кишка свои диктует выводы
В угоду существующей доктрины.

Проскользнуть, затихориться, невнятно говорить,
Никогда не спорить и глаз не поднимать,
И где только получится, грамотно съюзить —
По этой схеме многие пытались выживать.

Кого теперь пугают египетские казни,
Когда свою свободу так стали понимать?
Видно, что заразна болезнь светобоязни,
И никто не знает, как с ней воевать.

Безумие

Паутинки трещин на стекле,
За стеклом осенний ветер куролесит.
Я в безумии пытаюсь врать себе,
Что кто-нибудь придёт и поровну отвесит.

В нависших облаках мелькает Баба-яга
В цыганской шали и затертом шушуне.
Она хочет сунуть в печь Ивана-дурака,
А мне, безумному, казалось, что угрожает мне.

Уже давно благоуханные сирени отцвели,
Их голые фигуры ветры загибают.
Если навестить безумных не пришли,
Они от этого не очень и страдают.

Я сам себе поэт и сам себе танцую,
Безумным всё равно – что вальсы, что фокстрот.
Я сам себя люблю и сам себя целую,
А если поведут – пойду на эшафот.

Меня сюда давно определили:
Я пытался с детства звезды подсчитать.
Меня, безумца, закрывали, а сами поучали,
Что выгоднее курицу с перьями сожрать.

По нашим медицинским заключениям
Народу можно много понабрать,
Но, вопреки лечебной практике и мненьям,
У безумца невозможно свободу отобрать.

Блажь

В поле жёлтое с цветущей сурепкой
Он свою женщину гулять не приведёт,
И не будет угощать простенькой конфеткой,
И в ресторан на «Жигулях» не повезёт.

Не подстелет ей соломки с луговой травы,
А застелет шёлковую простынь «Живанши»,
Из её туфельки шампанского глотнёт,
И, растопырив крылышки, соловьём споёт.

Бизнес-классом самолёт на жаркие Мальдивы,
Кокосовые пальмы и розовый восход —
Это вам совсем не на даче сливы
И не из шиповника оранжевый компот.

И, конечно, никуда без Рима и Парижа,
Это обязательно для общего престижа.
Мир залипает на губах, как сладкая халва,
И кажется – всё это на вечные года.

Но недолго кавалер чешуей блистал,
К чему она его не принуждала.
На мелкие монетки развалился пьедестал,
И жёлтая сурепка в поле хохотала.

Отделите жизнь реальную от блажи,
И не пытайтесь влезть в одежды махараджи.
Вам бы лучше к острову затерянного мира,
Но только по тарифу простого пассажира.

Была нужда

Неужели то, что делали, не имело смысла,
И весь сценарий проклят изначально?
А жизнь и смерть – два груза коромысла,
И как их ни несёшь, всё кончится печально.

Затекла спина под тяжёлым грузом,
И наших откровений давно уже не ждут,
А любые ожидания закончатся конфузом,
А в ощущениях останутся тошнота и зуд.

В дурных приметах нету намерений,
И пусть мерещатся дубовые гробы;
И кто не принимает собственных сомнений,
Точно остановится у заданной черты.

Пыльная дорога, следы от голых ног.
И если ничего больше не мешает,
Проглоти налипшей горечи комок
И знай – тебя никто не провожает.

А всё, что делали, – во всём была нужда:
Нас воспитали драки и разлады,
Нас делала солдатами вражда,
И мы не ждали для себя пощады.

Как бы удержаться от аплодисментов,
Когда они друг друга будут гнать взащей,
Когда с насиженных сдирают постаментов
Самих себя восславивших вождей?

Зарисовка с натуры

Он всегда хотел дискуссий, хоть каких форматов,
И свои мысли выдавал за истинные ценности;
Его бесили выводы догматов,
Он их изобличал в некомпетентности.

И очень был охоч поговорить,
Хмурия брови, чтобы было впечатленье,
И для смущенья тех, кто хочет возразить,
На грош не принимая какие-то сомнения.

А когда его прохожий с Лениным сравнил,
Его сразу же налево понесло:
Он очень долго царя-батюшку срамил,
А утром красный флаг вывесил в окно.

Его подружку на районе кличут Барабашкой,
У них с утра до ночи общие дела.
И он, вместе с перелеченной алкашкой,
Сегодня щупает бугры финансового дна.

Он был дока в денежных потоках,
Хотя считал, что счастье не в деньгах;
Главное – не заблудиться в исторических истоках
И не опуститься в собственных глазах.

Им пенсию под вечер только принесли,
И она у них, конечно, не элитная.
Они взялись под руку и в гастроном пошли,
У них давно там линия кредитная.

Искушаться

Нечисть разная бывает, но в основном она из ночи.
Есть дядька-мракобес с демоном болотным,
Они к кому-то приходили во плоти,
А к кому-то лишь свечением бесплотным.

В рядах торговых всегда ведьмы заправляют,
А так бы Мухе-Цокотухе не впарили фуфла.
Ведь не зря баранки кругом загибают —
Это чтобы было без начала и конца.

Вон, у меня соседка с разными глазами,
У них цвета – то серый, то рубиновый.
Если к ней пойдёте с какими-то делами,
Не забудьте затесать свежий кол осиновый.

Мой дальний родственник ночами догонялся
В сарае, где из крана капал самогон.
Так он с кикиморой полночи кувыркался,
И это был его не первый закидон.

Мы уже готовы вариться в миражах,
Они тело будней в кружева вплетают.
И что нам черти, мракобесы или вертопрах,
Они давно, хихикая, к нам в души заползают.

Неужели тигр из нежных чувств лижет укротителя?
Но мы же тоже научились из страха улыбаться.
Но отчего мы, дети одного родителя,
Теперь сами полюбили искушаться?

Как мeсть

Баба на гумне подковы разгибает,
Мажут скользким жиром ржавые замки,
Батюшка подрясником сопли подтирает,
И мутным пойлом правят пропитые мозги.

Куры, как собаки, рыщут по проулкам,
Кошки на помойках роются в дерьме.
Сегодня песни крутят местным полудуркам,
И всё кругом вальсирует в общей срамоте.

Безумная старуха с головой Горгоны
Марши выдувает на печной трубе.
Они очень романтичны, запойные загоны,
На то и истины полно в разливном вине.

Первая красавица мини натянула
И засветила на весь свет красные трусы:
Она репку в огороде из земли тянула,
Ведь красавица всегда вне общей суеты.

В нечищенном стволе кисло завонялось,
Кто-то получил лопатой по лицу.
Но он на то и праздник, чтобы хохоталось,
Ведь каждый исполняет музыку свою.

А мне, похоже, тоже разум мстил,
Утопив в кошмаре грязных снов.
Но меня, однако, кто-то разбудил,
Вернув к реалиям привычных берегов.

Коньяк и апельсины

На столе коньяк, и в вазе апельсины,
А за окном полощет ветер ноября.
Бутылка уже выпита почти до половины,
И, наверное, по-хорошему спать уже пора.

Вспомнить – это музицировать на сломанной гитаре,
Где на свой тон лопочет каждая струна,
И этот шёпот налипает на свечном нагаре,
И я рассеянно гадаю, где моя судьба.

Негромко стрелки тикают на стареньких часах,
И остывший чай в смирении скучает.
Разобраться хочется хотя бы в мелочах
И глупо верить, что она тоже вспоминает.

На старой фотографии девичье лицо,
Для меня она навечно будет молодой.
Её в семнадцать лет – счастливое число —
Первая любовь сделала слепой.

С фотографии глаза смотрят сквозь ресницы,
Наполовину почернел большой кленовый лист,
Слиплись в книге жизни главные страницы,
И уже не разобрать кто зритель, кто артист.

Давно уже признали тяжким ремеслом
Верность и умение любить.
И мне очень хочется от самого себя тайком
Коньяка ещё себе налить.

Красота

Кто ты, красота, и где твои начала,
С какого края мира ты пришла?
Ты обманом от создателя сбежала
И нам неверье и сомненья принесла.

Ты нужна, чтоб душу искушала?
Но уж точно не затем, чтоб воскрешать.
Ты ни в чём и никому не сострадала,
Тебе главное – покрепче спеленать.

От тебя не защитят ни ворожба, ни заговоры,
Ты, как идол, ищешь поклоненья,
И как камнепад, сорвавшись со скалы,
Сеешь только страх и разрушенья.

А пленный сам себя страданием загнал
В состояние первобытного похмелья.
И им же сочинённый идеал
Столкнет его на дно развёрстого ущелья.

Красота – придуманная блажь,
И, может, даже томные мгновения.
Но то же самое, как пьянка и кураж,
Не может быть предметом поклонения.

Не будет идолов, не будет идеалов,
И мир совсем не красота спасёт.
Сквозь пелену дурманов и каменных завалов
Небесный Искупитель снова к нам придёт.

Лакомство

Медовая улыбка, сладкие желания,
Пылкий разговор, молочный шоколад.
Сахарною пудрой присыпаны признания
И попка у неё – чистейший мармелад.

Она была везде в лауреатках
И сейчас на красном мотоцикле сидит как на коне,
И её руки в лайковых перчатках
Лежат на никелированном руле.

Ей с таким как я негоже рядом постоять,
Если только подползти на четвереньках.
Но о каких намереньях можно рассказать,
Когда стоишь на полусогнутых коленках.

Она была фотомодель уездного показа,
Но, говорят, в нее заложены активы.
Пусть пока не поступило должного заказа,
Но к мармелладу всегда липнут перспективы.

Я был влюблён в неё ещё со школы
И подглядывал за ней в спортзальской раздевалке.
Она, про это зная, выдавала разные приколы,
Не давая разобраться, что прячется в шпаргалке.

Она, может быть, уедет на верблюде,
А может ей закажут самолёт,
Но для меня она останется лакомством на блюде,
Которое в мой рот уже не попадёт.

Любовь и хотелки

Известно, без любви нельзя прожить,
А как прожить без справедливости?
Любови, понятно, невозможно научить,
Но очень просто учатся наивности.

У любви антоним – это страх,
А у справедливости – наивность.
Когда приходит страх разоблачения в грехах,
Наивность засмущает объективность.

Любовь любого сможет обезвоживать,
Да и страх до пепла может иссушить.
И только справедливость себя может изуродовать,
А свою немощность наивностью прикрыть.

На свои страхи не найдёте покупателей:
Слишком высока на них цена.
А на справедливость – толпы соискателей,
Которым она даром не нужна.

Любовь рисует разные сюжеты,
Здесь сцены страсти и порочный суицид.
А у страха и наивности давно свои портреты,
На которых справедливость – неходячий инвалид.

А любовь дарована силами небесными,
А справедливость – лишь продукт какой-то сделки.
Любовь вас проведёт путями неизвестными,
А любая справедливость – это личные хотелки.

На развес

Я сегодня принял важное решение:
Больше не хочу влюбляться и страдать.
Видно, до конца истрачено терпение
На свою зарплату кого-то содержать.

Я, кажется, не в меру разгулялся,
Кино и кофе – это перебор.
Я по-разному гримасничать пытался,
А она ещё и про конфеты заводит разговор.

Мне уже за тридцать, и я совсем не злой,
Ну как тут не увидишь шкурный интерес?
Ей кажется, что я настолько лоховской,
Что можно попросить клубники на развес.

Меня мама учит бережливости,
А уж клубника – это точно баловство.
И, конечно, барышня – не пример учтивости,
Если не вмещается в кофе и кино.

А я себе ищу серьёзных отношений,
Мне меркантильные подруги не нужны.
Хочу жену для стряпанья пельменей
И наведения в квартире чистоты.

Нам в двушке с мамой хорошо,
И третий человек уж точно будет лишком,
Который будет клянчить для себя кино,
Клубники на развес, а это уже слишком!

Часть III. Юность

Юность

Мы с ним родились под одним календарём,
А в тринадцать я начал его читать.
Он быстро стал моим поводырём,
Который взялся научить и предсказать.

Он нашёптывал, как надо ощущать,
С кем дружить и на кого равняться,
Что этим надо премии раздать,
Вот этих шельмовать, а этим восхищаться.

Завоеванья Родины надёжно охранять,
Строить Комсомольск, лететь на Усть-Илим,
С глубоким отвращением деньги презирать,
Оставаясь вечно молодым.

Романтический журнал «Юность» назывался,
С ним покоряли космос и просторы целины.
Он никем иным, как «Правдой», издавался,
Которая писала историю страны.

«Правда» знала, что такое лирика —

Это любовь весной, а свадьбы в сентябре.
И понимала, какая нужна физика
Для победы коммунизма на Земле.

А верить в людей – главное оружие,
Я понимал, что коллектив – моя судьба.
Голову разъело это благодушие
И закоптило понимание греха.

Он сам

Он 25-го родился, когда метель мела,
И умер 25-го, когда почти гвоздика отцвела.
Он был сам себе добром и злом,
Потому и числился за таким числом.

Он сам себе был режиссёр и сценарист,
Сам себе идеалист и антиконформист.
По-своему смеялся, по-своему страдал,
И сам себя безжалостно жевал.

Говорят, он сильно мог перегибать,
Но одновременно ни к чему не понуждать,
А словами лишь своими говорил,
И на собственный манер рассуждал и жил.

По своим счетам вовремя платил
И только на свои куражился и пил.
И никто не встанет с ним в один походный ряд,
Не рождает много земля таких солдат.

Он сам пошёл на поводу язычника
И клеветал на житие плотника – обручника,
И, решив, что не бывает покаяния,
Ушёл от нас без плача и раскаяния.

Он вырос из того, чего хотел,
И души современников собою обогрел.
Свои же бури его парус разорвали,
А мы 25-му числу почести отдали.

Оттенки

Как засвеченные кадры старой фотоплёнки
В памяти всплывают прожитые дни:
Самые красивые технарские девчонки,
И у нас по моде расклешённые штаны.

Всем хотелось быть умнее и взрослее,
Когда не видите оттенков у цветов,
Сердце кровь гоняло побыстрее,
И мы не отличали жары от холодов.

Были недовесы, и были перевесы,
Но от того лишь ускорялся кровоток.
На любые замыслы и любые стрессы
Сердце отзывалось, как скрипка на смычок.

Не обманутые души чище неба голубого,
Они не тонут и не плавятся в огне,
И нет у них желания другого,
Чем вечно жить на ласковой Земле.

Но перевесы превратились в недовесы,
И опустился чёрно-белый пейзаж,
Стали болью в сердце отзываться стрессы,
И всё в оттенки серого штрихует карандаш.

Засвеченные кадры старой фотопленки
Штанами расклевёнными поднимают пыль,
И уже не вспомнить имя той девчонки,
А может это сказка, похожая на быль?

Правда

Для кого-то правда – просто инструмент,
Кому-то – наказание, кому-то – избавление,
А где-то – это лишь эксперимент
И наивная попытка переосмысления.

Время правду загибает, как спины стариков,
А то, что принималось как спасенье,
Крылось тоннами пролеченных мозгов,
Что той же самой правдой и лечилось.

А правда из архивов заносчива и зла,
Она не может ни согреть, ни накормить,
И не прибавив даже капельки ума,
Направит мёртвым пятки щекотить.

Она левая бывает, и даже бородатая,
Это кто и как воспринимает,
Бывает неудобная, бывает жутковатая,
От того и на вопросы невнятно отвечает.

Сегодняшняя правда ещё не испеклась,
А вчерашняя уже лукаво врёт.
Она для этого и в уши забралась,
Чтобы не понять, где зад, а где перед.

Время правду непрерывно испаряет,
Ничего не оставляя для себя,
И повторять нам ничего не разрешает,
Но правда всё равно у каждого своя.

Призрак

В заброшенной земле, за заборами и свалками,
Старый красный призрак отшельником живёт.
Он очень неопрятен и, не пахнувший фиалками,
Много лет чего-то стережёт.

Он ходит по руинам и помойкам
Как по ухоженным аллеям и бульварам,
Он по своим скучает новостройкам,
По рапортам, докладам и фанфарам.

Не узнали призрак коммунизма?
Он всё ещё мечтает быть употреблённым.
Отец бесплатного труда и романтизма
Бродит злой и непохмелённый.

В своих печах он переплавил миллионы
И в человеческие формочки из глины разливал,
Но, как водится, предатели сдали бастионы,
И сейчас он нищим на задворках прозябал.

Его не оценили, так как не достроили,
А с ним бы наступила благодать.
Всех бы правильных в казармах обустроили,
И неверных нашли бы, чем занять.

Вон оттуда снова манифестом угрожают,
Что вроде уже хватит по помойкам шлаться.
Они опять за целый мир переживают,
Потому и не давайте им опохмеляться.

Рассудок

На паперти у старенькой церквушки
Сидел старик сутулый и седой,
Он мял для серенькой голубки хлебные горбушки
И подкидывал иссохшею рукой.

Он прошёл с Крестом на рясе три войны,
А в этот год в Медовый Спас сошёл с ума:
Он не перевозмог свалившейся беды,
А смерть во избавленье не пришла.

Ломали комсомольцы Царские Врата
И Святых плевками унижали.
В этот день ему запели голоса,
И по милости рассудок отобрали.

Он онемел, но видел и внимал,
То ему осталось в наказанье.
Он «Символ веры» про себя всё время повторял,
И не искал людского состраданья.

Комсомольцы с песнями хворост собирали
И сложили на завалинку под Храм,
А потом с речёвками пламя раздували,
И потянуло дымом по вызревшим хлебам.

Небеса закрыло серой пеленой,
А в голове вдруг заиграла русская гармонь.
Он поклонился оземь белой головой,
Спину разогнул и шагнул в огонь.

Синдром

Скульптор с первобытного похмелья
Лепит бюст дважды Героя Соцтруда,
Последняя неделя пьянства и безделья
Все творческие планы сорвала.

А скульптуру ждали на Родине героя,
Это было не село, и не городок.
В таких местах писали книгу Домостроя
И сохранили среднерусский говорок.

Никак не ладилось с фасоном пиджака:
Он давал совсем не тот рельеф,
И нос смотрел всё время не туда,
Выходил какой-то светский лев.

Скульптор в лапах абстинентного синдрома
Не мог в коленках дрожи победить.
Явно не хватало в изделии объёма,
И лицо партийное не ладилось слепить.

Все потуги превращались в канитель,
За что маэстро сам себя площадно материл,
Но тут без музыки и стука отворилась дверь,
В неё зашёл спаситель и налил.

У идеологии вся сила на лице,
А со своим синдромом разбирайтесь сами.
Те, кто живут на Олимпийской высоте,
Должны выглядеть идейными богами.

Советы

Кто-то бьётся в кайфе, а кто-то киснет в дрейфе,
Кого-то бьёт озноб, а кто-то припотел,
Но все тянут ляжку в своём особом шлейфе,
И он пахнет так, кому какой предел.

Вон тот сошёл с ума от книг в библиотеке,
Его деда упразднили за потерю партбилета,
А этот пьёт из-за долгов по ипотеке,
И каждый ждёт ну хоть какого-то Совета.

Никак не ладится без партбилета и Советов,
Без тех, ещё отечества, знамён.
В панике всегда нет перспективы и ответов,
Лишь каждый в ужасе, что будет упразднён.

Длинные шеренги нечитанных поэтов
Тут быстрее разучились читать, чем сочинять,
Алчущим расскажут с телефонов и планшетов,
Как надо возлюбить, как надо почитать.

Всем по времени прибудет и зачтется,
Великий Мир не внемлет магии Советов.
Всё прибывает в Вере и молитвенно прочтётся
В сердечном ритме непрочитанных поэтов.

Суета

Змеиными глазами можно сердце заморозить,
А грязные слова слезами не отмыть.
Можно всё вокруг себя угробить,
А в личном плане триумфально победить.

В парадоксах, словно в новеньких калошах,
Которые до крови ноги натирают,
Застучали зубы на полных оборотах,
И страхи, словно змеи под шкуру заползают.

Стыдно малодушничать и прятаться за спины.
Самолёт при взлёте выходит на разбег,
Водку пьют под крышей воровской малины,
И чёрную икру ест белый человек.

Всё, что было сказано – суета сует,
А тому, кто нашу жизнь хотел обговорить,
Будет борщ прокисший на обед,
И только одна спичка, чтобы прикурить.

Болтовня и суета – наши экскременты,
Нас любая пропаганда строила в шеренги;
Мы однажды согласились на все эксперименты
За большие лозунги и маленькие деньги.

Там, где бриллианты – лучшие друзья,

Там безраздельно правит Сатана.

Мы очень долго слушали, что можно, что нельзя,

И что на свете правда всего только одна.

Сценки

Вчера была программа для вас, пенсионеры,
Где разыгрывались сценки комфорта проживания
Жителей неолитической пещеры
И современного квартирообитания.

Ветерану делается дурно, как будто его бьют,
Когда приходит счёт от благ цивилизации,
Когда судебными повестками трясут
И читают бесконечные нотации.

А в пещере жарится кабаний карбонат,
И набирают ожерелье из когтей орла,
Дети чешут за ушами прирученных волчат
И немощных не гонят от огня.

Конечно, несравнимы те сценарии,
И наши старики – не ровня дикарям,
Ведь за них воюют их парламентарии,
Но только надо оплатить проценты по долгам.

В пещере уж совсем условия простецкие,
И там о конституции могут лишь мечтать,
А вы-то – люди настоящие, советские,
Всегда за интересы Родины умели постоять.

Доберитесь до Сбербанка, чтобы пенсию отдать,
И можно будет жить и не тужить,
И не понадобится темнотой себя пугать,
Из страха света лишнего спалить.

Танцплощадка

В середине сентября уже холодно в горсаде,
Где танцплощадка оштукатурена покрашенным забором,
Дружинники в повязках стоят как на параде,
А кто-то рядом из горла угощается кагором.

В ракушке сцены строится вокал,
Струны подтянули ещё вполоборота.
Это подключают к электричеству «Урал»,
Вот у нас такая вечерняя суббота.

Заиграла музыка, загадочно мигая,
Я сегодня девочку пригласить решусь.
Я с ней буду танцевать, к сердцу прижимая,
Если с кем-нибудь опять не подерусь.

Я себя вести пытался как плейбой,
Но меня прибило от сладкого кагора,
И она теперь решает, с кем пойдёт домой,
Может с тем здоровым, что трётся у забора.

Я от Валеры Ободзинского просто завожусь,
И в подъезде возле дома у неё стою.
И опять, наверное, подерусь,
Но ни на шаг отсюда не уйду.

Она ведь пахла как вечерняя фиалка,
А тот пришёл с друзьями, несмотря что был амбал,
Но недолго продолжалась эта свалка,
Я из кармана финский нож достал.

Нинка

Ей раньше по заказу на праздник платье шили
И розовую блузку по профилю фигуры,
Но нас не это, нас манеры удивили,
В горячем исполнении новой диктатуры.

Коротенькая стрижка под красною косынкой
И тоненькие ножки в ушитом галифе,
Когда-то эту девочку мы знали просто Нинкой
И вроде были с ней по-братски наравне.

Сейчас она целует только комсомольцев
И комиссара с бантом на груди,
А мы теперь просители или богомольцы,
И с нами ей теперь не по пути.

Это словно сон в горячечном бреду:
Нинка топит в полынье расстрелянных вчера,
А нам бы хоть какую-то судьбу,
Но лишь бы не идейная война.

Она теперь среди оглохших и ослепших
В плясках неприкрытого цинизма,
Среди подонков, бесконечно оборзевших,
В зад целует призрак коммунизма.

Пожелание тебе, незрячей и глухой,
Во всем задора олимпийского.
Это для тебя рецепты с книги поварской
С экслибрисом от Феликса Дзержинского.

Чтобы всем

Надо что-то поменять – скиньте обороты,
А, приближаясь к повороту, надо тормозить,
Но предварительно с себя смойте нечистоты
Прежде, чем кого-то правде научить.

Кто-то заплевал фитили в лампадах.
Что-то ведьмы прячут в грязных рукавах.
Современная мазня – в золотых окладах,
И новые проценты на вечных должниках.

Кто сморкается на новые обряды,
Тот не пророс холопскими долгами,
Но не ряженные в новые наряды
Будут за железными дверями.

Кому-то хочется ходить в застиранных штанах,
Сшитых по лекалам галифе,
И наводить зеркальный блеск на сапогах,
И чтоб товарищ маузер всегда был в кобуре.

Бабы еще много сумеют нарожать,
Они-то не сбавляют обороты,
Но если взялись прошлым воспитать,
Переименуйте в школах классы в роты.

Аист не приносит маленьких детей,
Он своих младенцев пожирает.
И зачем за здравие наставили свечей,
Если поколение вымирает?

Бред

С корки хлеба облизали варенье черничное
И солью освежили язвы примирения;
Суп в кастрюле скис, и завонялось личное
На инквизиторских углях общественного мнения.

По старому лекалу лепят чертежи,
Но проволоку «колючку» катают с нержавейки;
Демократично улыбаются народные суды:
Они будут новые мостить узкоколейки.

Заварите чаю по-колымски,
И будьте хлебосольны по-московски,
А если есть «мохра» по усть-илимски,
То рады вам на самой злой командировке.

Не похож на белый хлеб даже самый чистый снег,
А барачная буржуйка не жарит шашлыков.
Чесоточно зудится двадцать первый век,
Повторяя грязные дороги праотцов.

Кто-то на Тверской в обуви от Gucci,
А кто-то чавкает по грязи в говнодавах;
Все они с одной и той же кучи,
Только им по-разному везло в прощенье и расправах.

А кто умеет быть красиво-фееричным
И в позе драматической распяты́е целовать,
Тому не трудно быть патриотичным
И каждой из сестёр по серьге раздать.

Большинство

Получая новое, мы теряем старое,
А к новому придётся привыкать.
Не хотите наливного – щупайте поджарое,
Не хочется закусывать – можно запивать.

Старому плевать на новые потуги,
Но, если вы решили ломать свои привычки,
Надо помнить, что у тех свои заслуги,
И к ним нужны особые отмычки.

Кого-то агитируют, чтобы отказался
От привычки здраво рассуждать;
Здесь тех, кто с большинством не ладил и ругался,
Умели к общему порядку призывать.

Бывает, приглашают в новое обуться,
А оно давит и мозоли натирает,
И хочется в отцовские портянки завернуться,
А это настроение дразнит и пугает.

До краёв забиты закрома,
А на газетах старые названия.
В них к большинству, сошедшему с ума,
Публикуют новые воззвания.

Нам дорогой к коммунизму не идти,
Но мы опять в большие кучи не собьёмся,
Выдохнем остатки новизны
И опять за старое возьмёмся.

Деформации

Разные знамёна по ветрам трепались,
И те, кто жили во время реформаций,
С новыми идеями как-то уживались,
Чтобы их предать в период деформаций.

И в старом времени, и в новом
Мели снега и падали дожди.
Кто-то жировал на всем готовом,
А где-то каждую копейку стерегли.

На гимнастёрке штопаной – три золотых нашивки,
А на плече солдатском висел аккордеон.
Он протащил полмира на своём загривке
И по новому эскизу собрался строить дом.

Режиссёры и писатели обслуживали власть,
Им по особому тарифу за это начисляли.
Чтоб жировать, не надо было красть,
Они в угоду власти всегда голосовали.

И воспеты старые лекала.
Солдат кайлом уран уехал добывать.
И новой пятилетке ничто не угрожало,
Ещё было кого в тачки запрягать.

Соловей-разбойник с дуба просвистел
Как дрезина на разъезде судеб;
Если не кончается кровавый беспредел,
Он рано или поздно смерть себе добудет.

Проходят

Продали икону, просто по капризу,
И мимоходом выгнали собаку со двора.
Тут исполняли театральную репризу,
Жонглируя и громко хохоча.

Набежали люди, слетелась гопота,
И на перекрёстке заело светофор.
Атмосферу грел запах чеснока,
И всех вокруг тянуло в этот форс-мажор.

Били в барабаны без смысла и без пауз,
Кто-то по асфальту волок виолончель.
Тот, что был одет как хитрый Микки-Маус,
Марсельезу выдувал в пастушечью свирель.

Вот так проходят мирные протесты
С Петрушкой, Звездочётом и Федькой-толмачом.
Всё это из репризы превращалось в квесты
И завершалось общим куражом.

Бабе-яге метлу сломали пополам,
А бессмертному Кощею в дыню настучали.
Они, наверное, слишком эротично хохотали
И починке светофора сознательно мешали.

Так проходят мирные протесты,
Как сказочно-чесночный карнавал.
Они там, может быть, и пишут манифесты,
Только их никто ни разу не читал.

Киножурнал

Был такой киножурнал для пионеров,
И назывался он «Хочу всё знать»;
Никуда не денешься от новых интерьеров,
Но тоже бы хотелось по существу вникать.

Я сегодня поздно лягу спать,
Пусть ноет голова и ломит спину,
Я хочу все новости узнать,
А не как обычно – только половину.

Хочу узнать, где выросло,
Где сгнило, как там Африка, Лаос и Аргентина,
Что вражье радио про нас наговорило,
И как там, в северных районах Сахалина.

Кого звездой Героя наградили,
Как там в Думе, Раде и в Госдепе,
Сколько за неделю от ковида схоронили,
И что нового в отечественном рэпе.

Хочу послушать федеральные каналы
И чётко уяснить, кто пропагандон,
Как разбирают в экономике завалы,
И кто на самом деле кокаиновый барон.

Откуда появляется желанье узнавать?
Возможно, что-то хочется по-новому начать,
Но это вредно, как курить и выпивать,
А неудобные вопросы опасно задавать.

Методы

Для достижения целей есть разные пути,
Важно только метод правильный избрать,
Который и сумеет к триумфу привести,
Ведь можно залечить, а можно принуждать.

Хороший метод залечения мозгов
Называется научный коммунизм,
Он состоит из миллионов разных слов
И прославляет бытовой каннибализм.

Но есть испытанный подход – это принуждение,
И пусть антинаучно, но традиционно
Уметь силой пропихать своё решение
И смачно наплевать, что это незаконно.

У обоих методов есть общая история,
И хоть каждый своим способом пытался обобрать,
У них была одна и та же бутафория:
Как соотносить нравственность и власть?

Историческая личность – как блин на сковородке,
То ли не дожарится, то ли подгорит,
Ведь желанье властвовать – от зуда и чесотки,
И, как ни извернуться, – власть всегда в кредит.

Она за обещания и за понимание
Без всяких запятых и многоточий.
А у того уже в мозгу заболевание,
Что только смерть лишает полномочий.

Мстители

Где мелко трусятся, там много рассуждают,
Перешёптывая шёпот темноты.
Там тени за живое принимают,
Исполняя право куриной слепоты.

Но если битый и гонимый не восстал,
То кого казнила Шлиссельбургская тюрьма,
И кто, с петлёй на шее Крест поцеловав,
Проклятым остался навсегда.

Венценосные особы в кельях не постились,
Но их деянья в мире на слуху.
Они тайком по-мелкому крестились
И накидывали петли на Петропавловском валу.

Право жить в куриной слепоте
К крепостному праву подвели,
Где все равны в душевной нищете,
Лишь бы только сию чашу мимо пронесли.

Жандармский генерал шепчется с царём,
Их слышит только канарейка в клетке.
От виселиц пахнуло Красным Октябрём
И вонючим пóтом первой пятилетки.

Казни в Шлиссельбурге, казни на Урале,
Земля из крови ничего не народит.
А тех, которые из мести убивали,
Будущее точно не простит.

Наивность

Чем всё-таки похожи старики и дети?
И пусть к ним не бывает одинаковый подход,
Но старики наивные, как дети,
И, правда, те и те требуют уход.

Они не могут адекватно отвечать на то,
Что предлагают обстоятельства,
Не понимая, где сказать, а где молчать,
Вся жизнь для них – провинциальное ребячество.

Все, кто не умеют достоверно врать —
Или простофили или дурачины,
А умные под них сумели написать
Лучшие гуманитарные доктрины.

Деду помогли калоши натянуть,
Тут стар и млад в одном гнезде,
А он им разрешил на свой мундир взглянуть
Верного солдата войск НКВД.

Из дружины Павлика Морозова наши пионеры,
А комсомолки все на сто процентов целки.
Для них собственные мамы – главные примеры,
И потому им наплевать на чьи-то там хотелки.

Придёт и к ним весна на улице Заречной,
И будет сталевар как символ эффективности,
Где любовь и вера будут как бы вечны,
И это в сумме стариковской и ребяческой наивности.

Новости

С утра сегодня куча новостей,
И чем они свежей, тем явственнее страхи —
Эти вечные попутчики стрессов и страстей,
Они – как грязь на переносной рубахе.

Никто нас специально не пугал,
Но взяли человечка с наличным миллиардом,
На что он часто и застенчиво моргал
С присущим для чиновника азартом.

Это для разминки, на холодное,
А на горячее – биржевые сводки.
Чуть распухло тело углеводородное,
Значит, будут новые рублёвые наводки.

Россия побеждает в войне за урожай,
И всегда на пьедестале Гегемон,
Но ещё надо бороться за праздник Первомай,
И баннеры развесили на здании ООН.

Кажется, что новости – это конь в упряжке,
А кучер вечно пьяно лицемерил.
Хотя никто давно не верит в сказки,
Нашлись, кто триста лет себе намерил.

Новости глобальные и региональные
Зло и истерично смотрят на меня,
А у меня от них страхи натуральные,
И мозги трясутся навроде холодца.

Часть IV. Не видали

Не видали

Допотопная колода с топором.
В том дворе три поколенья пережили,
Они видели победы и разгром,
Как шумно заходили и тихо уходили.

Как-то незаметно проскакал Наполеон,
А назад, кто как умеет, уходил.
А их капитан – хлыщ и фанфарон,
Сам курям и кроликам головы рубил.

Потом свиные бошки – на барские столы,
А между тем хозяйская жена
Любила порубать холопские чубы,
Хоть утончённой лирикой была увлечена.

Пришли голодные бунты в саже от пожарищ,
О законной и счастливой жизни каждый говорил.
В гражданскую войну пришёл в свой дом товарищ
И родному брату руку отрубил.

А когда животные на танках заезжали,

И всё людское под себя передавили,
Девушки друг другу косы отрубали
И из них себе удавки мастерили.

Они много чего перевидали,
Сто раз омытые слезами и дождём.
Чего ещё в России не видали,
Чтобы не нуждаться в колоде с топором?

Обитание

Кто-то пляшет в разноцветных лоскутах,
У таких в прислуге и блоха, и вошь.
Бояре пританцовывают в красных сапогах,
И юродивый вприсядку выклянчивает грош.

Это Пасху отмечают в русском городище —
На частоколе голова какого-то врага,
Банка с медовухой в скрюченной ручище,
И на звоннице долбят в колокола.

Такие были правила и нравы,
Что, согласно месту обитания,
Мы давно забыли их забавы,
У нас теперь другая меломания.

Нас учат нетерпимости большие города,
Мы вроде как толкаемся локтями,
Но друг друга слышим лишь издалека,
Пытаясь ничего не говорить глазами.

Любые споры выдыхают миражи,
Мы все когда-то где-то обитаем.
И хочется надеяться, что мы ещё нужны,
И что ещё живём, а не исполняем.

Если ищете себе место обитания,
Чтобы как-нибудь понять самих себя,
И готовы разделить веру и страдания,
Плывите к Острову Павла Лунгина.

Падло

Вчера сосед по двум третям освободился,
А утром в ситцевых трусах выполз на крыльцо,
Пока кто-то для него на общей кухне суетился,
Он взялся объяснять, что значит западло.

Мне ночью через стенку было слышно,
Как он смачно водку кукишем занюхивал,
И как хрюкал и сопел сквалыжно,
Когда у жирной Фроськи прелести вынюхивал.

Звёзды на откормленных коленках,
И на накаченных плечах трёхглавые драконы —
Явно, что не голодал в лагерных застенках
Завхоз и активист красноярской зоны.

Оказалось, западло на вахту не ходить,
А на лесной деляне плану не добавить,
В неположенных местах плевать и курить,
И без усердия начальству козырять.

Западло было питаться на помойке
И под телогрейку прятать чифирбак.
Кому-то разрешалось в сапогах на койке,
А кого-то отправляли в шизоидный барак.

Мы плохо разобрались, в чём мира красота,
Из привычки жить по правилам дворовым.
Когда трое появились от ближайшего угла,
То он истошно заорал: «Беги за участковым!»

Партитура

В тех домах, где мы топтали,
Пол выскребали добела,
Нас там по разным падежам склоняли,
Но нас такими делала война.

Мы чужие степи траками скребли,
И было непонятно всей белиберды.
Мы не очень догоняли, кого пришли спасти,
Зато быстро наловчились запаивать гробы.

Хлюпанье в грязи тактических ботинок
Изогнуло стрелки на часах,
А патриотические песни со старых грампластинок
Переваренной лапшой висли на ушах.

Богатыри, батыры и батуры,
Восславленные ратным ремеслом,
Вам всем один волшебник пишет партитуры,
Жонглируя дымящим фитилём.

С разбитого окна свисает занавеска,
Себе могилу роет загодя
Мимоходом осквернённая невестка,
Потому и плен – как мышеловка для кота.

Что не закругляется, то треснет и сломается.
И если разбежавшийся черту переступил,
Ему эта попытка никем не засчитается,
Даже теми, кто свои долги не заплатил.

Пляж

Она сильно возжелала неземной любви,
А вокруг ещё вовсю коптило лето.
Сладкое томление ворочалось в груди,
Из себя не делая секрета.

Она вечером по пляжу ходила от бедра,
Смущая верные супружеские пары.
С ней рядом не смотрелась виноградная лоза
И эротично изливались медные фанфары.

Вокруг кружился запах шашлыка,
И медленно песочек к ночи остывал.
Она любви хотела сразу и сполна,
А месяц облака рогами подпирал.

Ей не хотелось встреч без обязательств,
Ей желалось к журавлю, что где-то в облаках.
У неё было очень много разных обстоятельств,
Но от них остались срамота и страх.

Очередной поклонник ждёт на барбекю
С тёплым пивом и расстегнутой ширинкой
Пусть в палатке, как в пещере, не сварят кофейку,
Лишь бы не слукавили с резинкой.

Она в полной темноте сидит на берегу,
Внутри заляпанная той же темнотой.
Её муж ещё весной уехал на войну,
А ей очень хочется страсти неземной.

Подсчёты

Не каждый камень, брошенный со зла,
До цели будет долетать.
Не все, кого клеймят железом и огнём,
То, что любят, будут предавать.

Нет пределов злу, и нет предела воли,
Это – в тайне человеческой природы.
Никто не просчитает силы боли,
Как нет меры лжи и качеству свободы.

Сочувствовать кому-то плохо получается,
Здесь важно грустно покивать и отгрести.
Масштаб чужой потери плохо измеряется,
Особо, если от неё подальше отойти.

Нет выражения «тяжёлая душа»,
Есть выражение «тяжёлое наследство».
Если понимаешь, чего хочешь от себя,
Воспринимай страдания как средство.

Тот здоров, кто может сострадать,
Кто со дна пропасти сумел увидеть небо,
Тот, кто милосердно умеет отдавать
И свои добрые поступки не будет вспоминать.

Для кого-то это ремесло —
Протирать и править кривые зеркала.
А зло, оно сожрёт себя само,
Лишь бы вера в тягость не была.

Полынь

Проросла полынь-трава по брошенным полям,
Губы горечью тяжёлой напитались.
Очень захотелось, чтобы повезло,
Мы ведь тоже много чем поклялись.
Кому-то красная ракета сигналил в облаках,
Может это к пропасти кого-то подманили?
Мы хотели сразу и за совесть, и за страх,
И самих себя, похоже, обхитрили.
Разговелись кожурой от арбузной корки,
Объедки распихали по карманам.
Мы всё время жались на задворки,
А вышли прямо к настороженным капканам.
Мы совсем не собирались убивать,
Думали тихонько осмотреться
И материальный уровень немного приподнять,
Но нам не дали тихим сапом отсидеться.
Мы в горькую полынь не просто залегли,
Из наших уже многих сумели подстрелить.
Мы в поля чужие с автоматами пришли,
Хотели денежек по-лёгкому срубить.
А прямо на восходе мины засвистели.
Нас взяли на части разорвать,
А мы, как каждый из людей, очень жить хотели,
И лишь сейчас кишками осязали,
что добровольно нанялись жечь и убивать.

Предчувствие

Красота и совершенство – в золотом сечении,
А предчувствие – когда живёшь в волнении,
Когда тебя пленили ожидания,
Они-то и становятся причиной страдания.

Никуда не делось предчувствие войны,
Это то, что у Джерома «Над пропастью во ржи»,
И то, что положили на холсты
Василий Верещагин и Сальвадор Дали.

Бомбе водородной снится её папа
В хитоне греческого бога Эскулапа.
Лауреат, трижды Герой и диссидент,
Между физикой и Богом заблудший дивергент.

Маленькая птичка с зёрнышком пшенички,
Бабочка-капустница тянется к водичке,
А маленький сверчок щиплет бомбу за бочок,
И где-то уже рядом спусковой крючок.

В ночь конца времён небо загудит
Дробным стуком от шестнадцати копыт,
И столбами соляными ощерится Земля,
Изрыгая всё живое из себя.

Никуда не делось предчувствие войны:
Это плач старухи у спалённой избы,
Это недосказанное, это не обнятое,
Это на Кресте во злобе распятое.

Приехали

Огромный город на исходе дня,
В пиках небоскрёбов отражается закат,
Их стены прогибаются в кривые зеркала
И горят как вавилонский зиккурат.

А тучи напоздали, спариваясь в небе,
И обещали кончить проливным дождём.
Никому не хочется рыться в ширпотребе,
И мы свои вопросы с кем надо перетрём.

В воздухе воняет палёной резиной,
Запах лезет по карманам и липнет на лицо.
Кто-то будет рад, разжившись половиной,
А нам, конечно, мало будет и всего.

Деньги хотят ласки, чистоты и смазки
И, конечно, любят тишину.
Мы тут не будем жить по чьей-либо указке,
Мы свою погоним русскую волну.

Огромные Линкольны в пробках закисают,
А мы пешком идём по Пятой авеню.
Нас гангстеры киношные нисколько не пугают,
Мы готовы сами развязать войну.

Ревнителям

Хочу получше рассмотреть своих ревнителей,
Пусть они себя покажут на свету.
Хочу глаза в глаза увидеть обвинителей
И сказать как есть, на прямоту.

Они в прокуратуру написали,
Что кому-то я цветы таскал охапками,
И с нескрываемой обидой сообщали,
Что деньги русские обзываю «бабками».

А цвет моей машины излишне золотой,
Это явно гражданин с амбицией.
Нет сомнений, что человек не свой
И с неоформленной общественной позицией.

А сколько платьев у жены – столько не прожить,
А одно было в цветах как российский флаг.
Потому они решились доложить,
Что, возможно, рядом с нами скрытый враг.

Своего деда фотографию в компании с Ягодой
Заявитель-бабушка к бумаге приложила.
Гордость за историю не измеряется погодой,
А как с врагами поступать, партия учила.

После сотой годовщины им совсем не вмоготу,

И с ними можно далеко зайти.

А я скажу как есть, на прямоту:

«Ваш бронепоезд заржавел на запасном пути».

Севера

Она себя считала талантливой певицей
И большие сцены мечтала покорять,
Залетев туда сияющий жар-птицей,
Все аплодисменты и восторги посрывать.

Она была блондинкой, яркой и губастой,
С длинными ногами и грудью напоказ,
Она так крутила попкой многострастной,
Что всех, кто это видел, заглывал экстаз.

Маленькая сцена в рыбацком ресторане,
Где пропивали деньги моряки;
Ей всё время приходилось давать какой-то рвани
За мятые и сальные рубли.

А до московской сцены рукой можно достать,
И когда делили минтаевую квоту,
Её решили депутату на сладкое подать,
Утрясти обжорство, перешедшее в икоту.

Московский депутат везде её слюнявил
И клятвенно дорогу на сцену обещал.
Он не говорил, а пьяно шепелявил
И при этом отвратительно вонял.

Он через неделю помер, согласно некрологу,
И сейчас в дешёвой водке её аперитив.
Она теперь поёт в крабовую ногу,
И её слышат через Берингов пролив.

Соль минор

В дешёвой забегаловке прокисшее веселье,
Затрёпанная скрипка не тянет в соль минор,
Спившийся маэстро трусится с похмелья,
Вчера был просто скотский перебор.

Его для видимости гонит толстая старуха,
А лучше бы лафитник с водкой поднесла.
Ну, пускай не водку, пусть будет бормотуха,
Но не так, так эдак скрипача спасла.

На улице зима, а он у тёплой батареи,
Тут и окурки можно с пола подбирать,
Здесь нет швейцара в золотой ливрее,
А толстая старуха – как родная мать.

Она ему объедки собирала,
А он ей «Музыку дождя» Шопена исполнял,
Но она опивки не сливала,
Он сам их со столов употреблял.

В дешёвой забегаловке делали облаву,
И участковый сапогами скрипку раздавил.
Он эту казнь исполнил как забаву,
Посчитав, что высшей справедливости служил.

Так затрёпанная скрипка отстрадала,
И у маэстро кончился с жизнью договор.
Над ним толстая старуха отрыдала,
И ветер в проводах тянул на соль минор.

Температура 41,1 по Цельсию

Я вижу явь какой-то нереальной,
Может, это мир с обратной стороны:
Вроде кто-то заселился во дворец хрустальный,
А кто-то дико завывает из крошечной темноты.

Там в Землю зарывали монолиты,
Пытаясь у неё энергию украсть,
И феромоны выделяли, как термиты,
Чтобы не запутаться, куда её таскать.

Там подачки принимали за дары,
И, выставляя смерть за одержимость,
Железные могильные венки
Почитали за проявленную милость.

В смертные грехи вписали добродетели
И принуждают своих предков оболгать,
И обязательно сбегалися свидетели,
Которых подзатыльником можно запугать.

А на дереве – Соловей-разбойник,
А на Тойоте отказали тормоза.
И на Бермудах совсем не треугольник,
А пятиконечная звезда.

Я потихоньку начал мир свой узнавать,
Но, как писали в книгах и учат мудрецы,
Далеко не каждому суждено понять,
С какой он, в самом деле, стороны.

Уфология

В науку превратилась уфология,
Она – как чёрная дыра или червоточина.
То, что раньше называлось псевдопсихология,
Теперь предполагать уполномочено.

Загуляла нечисть от клуба и до клуба,
И жилы жжёт кипящая амброзия.
Голая блондинка – в объятиях инкуба,
И луну зашторила ржавая коррозия.

Инопланетянин за всё просил «пардона»,
За ошибки в неотправленном письме,
За науку «логика» и притчи Соломона,
И за веру, что висит на волоске.

Скрестите руки и держите на затылке,
И криво не моргайте, а то не так поймут.
Не оторвутся от земли, не убрав закрылки,
Как дважды в одну реку не нырнут.

Утром у пришельца белая горячка,
Он барышню по вызову чахоткой обозвал.
Ей на филейные бока налипла жвачка,
И он её клыками отрывал.

Он, конечно, к нам летел за перспективой,
Но всё время путался в липучей паутине
Размеров необъятных природы похотливой
И добровольной жизни в вечном карантине.

Фортуна

Сбитый лебедь от собаки отбивался,
Жить ему минуту оставалось.
А мужик с ружьём победно ухмылялся,
Считая, что ему Фортуна улыбалась.

Рыжий сеттер вдруг завыл, как полудурок,
Над весенним горизонтом солнце просыпалось.
Охотник выплюнул изжёванный окурок,
Он не знал, кому ещё Фортуна улыбалась.

Жить ему осталось несколько минут.
Одна Фортуна знала, какой будет сюжет,
Когда пересечёт его маршрут
Подраненный когда-то бурый людоед.

Собаку паралич разбил от страха,
А того, кто был с ружьём, когтями разорвали.
Протявкала по-лисьи россомаха
И стервятники в деревьях заорали.

Каждому убийце придёт свой расчёт,
И палач в обличье алом подкрадётся.
Фортуна полную пригоршню крови наберёт,
Она не устыдится и не поперхнётся.

Кому-то мрак становится светлей,
Когда алые полощут паруса.
Только те, кому в гробах привозят сыновей,
За ночь слепнут, выплавав глаза.

Хулители

В непробиваемой броне миссионера,
И на свой манер свободу возлюбя,
Он по памяти цитировал Вольтера
И атеиста Фрейда, убившего себя.
У больших соборов и маленьких церквушек
Он с портретом Дарвина к людям подходил,
И законом эволюции запугивал старушек,
А тем, кто в его сторону плевал,

пошло и заносчиво хамил.

Фридрих Ницше умер в образе собаки,
В железной клетке в собственном дерьме.
Но тоже был строкой в его присяге,
Как теоретик и стратег в их праведной борьбе.
А в списке самых главных броненосцев
Золотой строкой прописан Ленин,
И суперхит из новых богоборцев —
Застреленный фанатом Джонни Леннон.
Хрущёв – титан в науке атеизма,
И колокольный звон декретом отменил,
И даже той отрыжке красного цинизма
Он тоже добросовестно служил.
Идолы легко не умирают.
А кто им после смерти подражает,
Неизменно их грехи преумножает,
А Бог никем и никогда поруган не бывает.

Чрево

Чревоугодие с латыни значит «пожирать»
Без всякой меры и лучше задарма,
А всё, что можно выкусить, – под себя сгребать,
И тащить, и прятать в закрома.

Утроба ненасытная всегда чего-то хочет,
Она заточена всё время потреблять.
От жирного куска у ней внутри клокочет
И веселит, когда сумела отобрать.

А если и была душа, то жиром заплыла,
И у прислужников Мамоны нет лица.
Смрадом дышат их раздутые тела,
Они, похоже, срут и ссутся под себя.

Но очень рвутся быть примером для других
И не нуждаются ни в чём нравоучении.
Они прутся в вожделении от себя самих,
Не подозревая, что для них есть чреворассечение.

При этой процедуре извлекали пули,
Рассекая плоть, чтобы победить.
И многих с того света на этот развернули,
И так же обожравшихся можно подлечить.

Кто-то хочет многое от жизни поиметь,
И каждый вправе жизнь по-своему прожить,
И даже как-то нестандартно умереть,
Но лишь бы слоem жира себя не задушить.

Без ошибки

Нигде не прочитаешь на афише,
В какую ночь зачали стукача.
Может в это время дождь стучал по крыше,
Или барабанил град по выступам крыльца.

Сначала мальчик просто в ябедах ходил,
Он много слушал, мало говорил,
И, вроде как без умысла, по-детски, доносил
На тех, с которыми как будто бы дружил.

Он регулярно участковому записки доставлял,
Информируя по поводу соседа:
Тот его мамке сиськи тайно мял,
А пьяный плохо отличал реалии от бреда.

Он брался рассуждать, что можно, что нельзя,
А трезвый был как будто вещь в себе,
И очень гневался, что русские князья
Стучали друг на друга в Золотой Орде.

Такой мужик не может не страдать.
Мать ему в тюрьму котомку собрала,
И подростку в этот день довелось узнать,
Что он всё время доносил на своего отца.

Колесница времени летит без тормозов,
Налейте похмелиться старому извозчику.
Жизнь, она сама накажет подлецов,
Но первый кнут достанется доносчику.

Берите

Повсеместно роют ямы долговые,
Прямо на центральных площадях.
Не заплатившие долги, прямые и кривые,
Будут обитать в подземных крепостях.

Для должников по ипотеке – отдельный реверанс:
Их одели в полосатые халаты,
Чтобы было легче поддерживать баланс
И на содержание считать трудозатраты.

А кого уже до нитки обобрали,
Ставят на особенный учёт.
С них уже прилично крови насосали
И пытались даже брать помёт.

Намеревались было кожу с них сдирать,
Но пока нет нужных инструментов.
И было мнение – в кишках пошуровать
Для изъятия пищеварительных ферментов.

Но были те, кто как-то хитро умирали.
Их приходилось сотнями сжигать,
Но кредиторы прямо указали,
Что и золу из крематориев можно продавать.

Хотите долго и богато жить —
Все банки и конторы круглосуточно открыты.
Не надо сомневаться и грустить,
Берите ипотеку и кредиты!

Беспечность

Восьмёрка на боку – символ бесконечности,
И он похож на маску маскарадную.
А пиры Валтасаровы – символы беспечности,
Принявшие в грехе кару кровожадную.

В вечности беспечность и беспечность в вечности —
Это аргументы великих катастроф,
И пусть живое выживает по закону бесконечности —
В истории немало разрушенных мостов.

Бывает, личная беспечность годы отбирает
За невразумление прошлого уроков.
А если в это завалилась целая страна,
Не услышав голоса собственных пророков?

Легкомысленным бывает поведение,
Когда не верится ни в чьи предупреждения,
И кажется – кругом одно везение,
Отчего и вера в любые заверения.

А когда окажется, что всё было обманом,
Сразу вспоминаешь, что тебя предупреждали,
Но, надышавшись в романтическом тумане,
Мы самих себя и обираем.

Всегда кому-то жить, кому-то умереть.
Не доводите страх до исступления,
Пытайтесь в темноте звёзды рассмотреть
И читайте символы небесного знамения.

Благородство

Поручик Ржевский – символ превосходства —
Горячей пloidкой накрутил усы.
Он в поэтическом пылу и полон благородства,
Такому с любой сдачи придут одни тузы.

Зеркало гримасу отражало
Хладодушия к крестам и презрения к деньгам,
Но восторженность усов всё же выдавала
Страстную любовь к игре и кутежам.

На щеке еле заметный, но дуэльный шрам
Ему с героями романов сходство придавал.
Он был готов пойти на смерть за милых дам,
Он честью, как алмазами, блистал.

Сегодня получил от маменьки аванс:
Она детей холопских продала.
И он в ночь усядется с графьями в преферанс,
А к утру фортуна скажет, чья была игра.

Есть гусарская рулетка, а есть гусарский сифилис
И от шампанского похмельные понты.
Тем, кто честь и благородство исполнял на бис,
Уже в затылок дышат русские бунты.

Рабовладельцев причащали и венчали,

Они блистали на приёмах и балах.

А те, которые не люди, на земляных полах рожали

И кормились гнилью в зловонных погребах.

Во имя чего?

Во имя – это указание на цель,
И количество таких неисчислимо.
Этих чьим-то именем ведут на цитадель,
А кого-то понуждают полюбить, что не любимо.

К разным целям может призывать
Одно и то же имя, набитое на флаг:
Одних ведут продать, других ведут предать,
И филантропов превращают в скряг.

Имя, как и память, свет не отражают,
Они как два сверчка в липкой темноте.
Кем им быть сегодня, не они решают,
Они – просто капитал в продажной суете.

Для собственных потребностей напишут биографию
И в нужных падежах озвучат имена.
Своими запятыми разметят орфографию,
И любой сюжет истории сладят под себя.

Те, которые из прошлого рвутся прикурить, —
Целуйте знамя Октября.
Но только у них хочется спросить:
За что сражались мушкетёры короля?

Надо к жизни относиться избирательно,
И не стоит там любить, где надо потерпеть;
И поверьте, что совсем необязательно
За кого-то где-то взять и умереть.

Вожжи

Салатный цвет – зелёный или жёлтый?
Убогость – это бледность или сырость?
Как случилось, что могучий – это толстый,
И бесправием становится терпимость?

Мне удача жирный кукиш заплела,
А навязчивый подсказчик нёс голимый вздор;
И в голове как муха стрекотала,
Что опять в подсчёте перебор.

Ревнивый муж тусуется под дверью:
Сегодня денежный клиент у его шалавы.
Он так прикормлен пастушеской свирелью,
Что скучает без такой отравы.

Вскормленные ядами крепки и совершенны,
И на всё имеют правильный ответ.
Они и в радостях, и в горе неизменны,
На них на всех один бронезилет.

Верблюда погоняют бранными словами,
А скаковую лошадь – шпорами в бока;
И двуногих тоже потчуют вожжами,
Вонючие трусы накинув на глаза.

Вы по-новому колоду потасуйте,
И пусть предвзятым будет разговор.
Без всякого сомнения – рискуйте,
Если на руках какой-то недобор.

Всё железо

Кому – железом по стеклу,
Кому – серпом по яйцам,
Когда собаки брешут на луну,
А волки подыгрывают зайцам.

Он орал невразумительные речи,
Что кого-то спас, кого-то убивал,
И вроде как в разгар кровавой сечи
Позорно с поля боя побежал.

Височное раненье реальность загибает:
Ему в хирурге померещился комбат.
И где-то рядом выло и кричало:
«Иди в атаку, рядовой солдат»!

Он видел, как безногий друг в атаку побежал,
Как горели камни, и броня давала течь.
А он живой остался, значит убежал,
Ведь он здесь только для того, чтобы умереть.

Один обморок сменялся на другой,
И сознание свет от тьмы не отличало.
Он бездыханный лежал, присыпанный землёй,
А друга обезноженного мина разорвала.

Кому железом, а кому серпом,
И тех – на костылях, и тех – в гробу,
Мы любим всех, ну и, конечно, заберём
В свою и без того несладкую судьбу.

Выползай

Рану сам себе зажми руками,
Сможешь – сам себя перемотай бинтами,
И ползи, ползи, жизнь закусив зубами,
Но только направленье не теряй.

Похоже, наши в беспорядке отступают,
Но ты ползи для своего спасения.
Ты где-то слышал, что людей не добивают
В светлый день Христова Воскресения.

Где-то далеко звонят в колокола,
А рядом беспрерывно рвутся мины.
Там уже к кому-то благодать пришла,
А он уже остыл до половины.

Но ты ползи, затерянный в пространстве,
Уже не чувствуя ни неба, ни земли.
Твой дом раскрасят в траурном убранстве,
А ты назло всему – живи.

Его перевернули грязными ботинками,
И упёрся в сердце перегретый ствол.
А у него глаза живые с детскими слезинками,
Теперь тем выбирать, кто во Христе, а кто монгол.

Отползай, жизнь закусив зубами,
От идолов, и выползай из снов.
Ползи от тех, кто в душу лезет грязными руками
И себе трибуну строит из цинковых гробов.

Домой

Середина девяностых на календаре,
И август – месяц снова форс-мажорный.
Раздавили капитана танком в Ханкале:
Он вызвался начать процесс переговорный.

А его сынок, чего-то напугавшись,
В детсадовский забор упёршись головой,
Ревел, и ни к кому не обращавшись,
Повторял одно и то же: «Я хочу домой».

Он в кулачке держал замятую конфетку,
А другой ладошкой слёзы растирал.
Они играли с папой в индейцев и разведку,
И он искренно, по-детски, по отцу скучал.

Он жить хотел по полной и запоем,
А время двигалось по загнутой прямой.
Он был в бегах, простреленный конвоем,
И, захлебываясь кровью, повторял:
«Я хочу домой».

ЧВК, алжирские болота,
В чернильной жиге белая луна.
В рукопашную идёт наёмная пехота,
Сегодня каждый только за себя.

Он ножом дорогу к жизни пробивал
И о чём-то говорил с самим собой.
Это он сквозь стиснутые зубы повторял
Одно и то же: «Я хочу домой».

Так продолжалась детская игра,
В которой ставят точку вместо запятой.
Он тогда долго плакал, пока мама не пришла,
И все в слезах они пошли домой.

Закалка

Кто-то скажет, что сталь закаляет в пыли
И запросто может булат отковать,
Но даже такой не увидит черты,
Под которую страшно людей загружать.

Если переполнялись сосуды ожиданий,
И сам уже помойным запахом пропах,
В призывах исчезают знаки препинаний,
И вместе с ними умирает личный страх.

И кто-то сам себя объявит прокурором
И будет отвоёвывать права,
И в исполнение своего же приговора
Себя заявит в роли палача.

Помойный запах из себя не истребить —
Это плод душевного измора.
Даже если всех неверных перебить,
Не избежать национального позора.

И закипят сосуды ожиданий,
Пузырясь кровавыми слезами.
И чтобы не терять своих завоеваний,
Раскуют дамаск корявыми слоями.

Говорят, что сабли закаляли на ветру,
Но карающий не может что-то изменить,
Он вдыхает только пустоту,
Пытаясь всех, кроме себя, винить.

К нам и мне

Судьба у маленькой собачки – до смерти быть щенком,
Ведь кому-то и тюрьма кажется приютом.
Никто не хвастается нажитым горбом,
Но свои даты отмечает праздничным салютом.

Осень к нам приходит очень тихо,
А в маленьком сердечке – огромная тоска:
В двери к нам уже постучалось лихо,
И в непробудном сне звонят в колокола.

Дни пришли, когда мы стали неудобны,
Но даровано с небес право говорить.
Великие на многое способны,
Только собственную смерть не могут отменить.

Наверное, это всё, что нас объединяет —
Страх смерти и последняя черта,
А в повседневности пусть каждый понимает,
Что когда надо – сам ответит за себя.

Под каждым флагом прославляется свобода,
А каждое рождение – это крик и плач,
Но во всей истории человеческого рода
За каждой революцией всегда стоял палач.

Осень к нам приходит очень тихо
И, крадучись, уходит в никуда,
Не потому что полная трусиха —
Она нам оставляет нерешёнными дела.

Ко дню Крещения

С расцветшего шиповника сладкий аромат,
И брызги жёлтых одуванчиков на мятой простыне.
Здесь только-только принял смерть солдат,
Из тех, что просто так убили на войне.

В него особо и не целился никто,
Пуля безымянная сердце покусала.
Война вдыхала очень глубоко,
А выдыхая, сотнями лампы задувала.

Маршалы и пекари, приказы и уставы,
Вы в услужении барышни с именем война.
И силой заставляете поверить в то, что правы,
Значит, правда силы и есть ваша судьба.

А правда, она рядом, любовь со всех сторон,
И она была придумана не нами.
Она опять прощает предавших закон,
И плачут ангелы кровавыми слезами.

В конце июля день Крещения Руси,
Здоровья всем и лучших пожеланий.
Всем вам по обе стороны войны
Поклон и избавленья от страданий.

Нельзя из цинковых гробов построить мавзолей
И называть его дворцом судьбы,
А нарожав с его трибун возвышенных идей,
Забыть про эти самые гробы.

Мнение

Каждый заимел собственное мнение
И ночью бдит, чтоб его не стали обсуждать,
И чтобы не сложилось впечатление,
Что как-то это можно отрицать.

Собственное мнение на собственных устах,
С этим можно на базаре выставляться,
И сильно подрасти в собственных глазах,
Если бы публично с ним совокупляться.

Героически сражаются за собственные мнения
Те, кто даже не слышал про образование.
У таких всегда крепкие суждения,
И им доступно всё под самотолкование.

По любому поводу всегда готовы выводы,
Но чтобы было только его Я.
И бывают не нужны собственные выгоды,
Важно, чтобы ярко блеснула чешуя.

И кто-то из таких решается орать:
Я – гений, прочь какие-то сомненья,
И не забудьте на скрижалях начертать
Моё собственное, правильное мнение.

Много было пережито страшных эпидемий,
В них человек впадал и в страх, и в исступление,
Но наступает время великих огорчений,
И нас погубит собственное мнение.

Невеста

Я вчера на улице видел человека,
Который нёс охапку белых роз.
Он был из тех, кого зовут калека,
А мне вдруг показалось, что он невесту нёс.

Парень одноногий с седою головой
Держал в руке природы идеал.
Мальчишка с покалеченной судьбой
Жизнь свою калекой проживал.

Пусть будут злые и неправильные мнения,
Пусть споры даже в драки перешли,
Но те, кто исполняли жертвоприношения,
К нам из другого мира заползли.

Щурится от солнца рыженький мальчишка,
Его кто-то вечером впервые поцелует.
А жизнь – это совсем не простенькая книжка,
Где во всём и навсегда правда возликует.

Гуманизм – понятие токсичное,
Одного накормит, а другого съест.
Быть сейчас участливым – тема неприличная,
Всё теперь по предоплате и за один присест.

Скребет по мостовой дешёвенький костыль,
Жених к груди невесту прижимает.
Такая вот сегодняшняя быль,
Хоть на одной ноге, но догоняет.

Сюрреализм

При очень сильной качке все встанут на карачки
И будут по своей блевотине скользить,
Когда долго проживаешь на подачки,
Очень трудно здраво рассудить.

Но вперёдсмотрящий и в качку должен бдить,
Коль Иуда дует в паруса,
И чтоб Корабль дураков на мель не усадить,
Накиньте обязательно шоры на глаза.

Из тумана горные вершины как драконие хребты,
А царь опять сумел обличье поменять,
Незрячий по верёвочке пытается идти,
Он взялся своей немощью зрячих забавлять.

Персики рисует Сальвадор Дали
И на картине видно, но не слышно плач,
Может кто-то увидал лицо войны
Или правит камнем свой топор палач?

В камеру похлёбку тухлой занесли,
Уж там давно друг друга умели пожирать
И уже кого-то в жертву принесли,
Там ничего не нужно и нечего отнять.

